

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 49 ДЕКАБРЬ 1975

ИНФОРМАЦИОНН
о Пленуме Центр
Коммунистической пар

1 декабря 1975 года состоялся Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

Пленум заслушал доклад Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Брежнева Л. И. о вопросах очередного XXV съезда КПСС.

Пленум принял соответствующее постановление, которое публикуется в печати.

Пленум заслушал доклады заместителя Председателя Совета Министров СССР, председателя Гос-

---

Постановление Пленума ЦК КПСС,

ВОПРОСЫ ОЧЕРЕДНОГО

1. Утвердить следующий порядок дня очередного XXV съезда КПСС:

1) Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики — докладчик Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Брежнев Л. И.

2) Отчет Центральной ревизионной комиссии КПСС — докладчик председатель ревизионной комиссии тов. Сизов Г. Ф.

3) Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы — докладчик Председатель Совета Министров СССР тов. Косыгин А. Н.

4) Выборы центральных органов партии.

2. Установить норму представительства на XXV съезд КПСС: один делегат от 3000 членов партии.

3. Делегаты на XXV съезд КПСС избираются согласно Уставу партии закрытым (тайным) голосо-

---

Постановление Пленума ЦК КПСС, прин

О ПРОЕКТАХ ГОСУДАРСТ
РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО Х
И ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТ

Одобрить в основном проекты Государственного плана развития народного хозяйства СССР на 1976 год и Государственного бюджета СССР на

ОЕ СООБЩЕНИЕ
ального Комитета
тии Советского Союза

плана СССР тов. Байбакова Н. К. «О Государственном плане развития народного хозяйства СССР на 1976 год» и министра финансов СССР тов. Гарбузова В. Ф. «О Государственном бюджете СССР на 1976 год».

На Пленуме выступил с большой речью Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Брежнев Л. И.

Пленум ЦК КПСС принял по этим вопросам соответствующее постановление, которое также публикуется в печати.

На этом Пленум ЦК КПСС закончил свою работу.

принятое 1 декабря 1975 года

XXV СЪЕЗДА КПСС

ванием на областных, краевых партийных конференциях и съездах компартий союзных республик. Выборы делегатов на съезд КПСС от Компартий Украины, Белоруссии, Узбекистана и Казахстана производятся на областных партийных конференциях.

Коммунисты, состоящие в партийных организациях Советской Армии, Военно-Морского Флота, внутренних и пограничных войск, избирают делегатов на XXV съезд КПСС вместе с соответствующими территориальными партийными организациями на областных, краевых партконференциях или съездах компартий союзных республик.

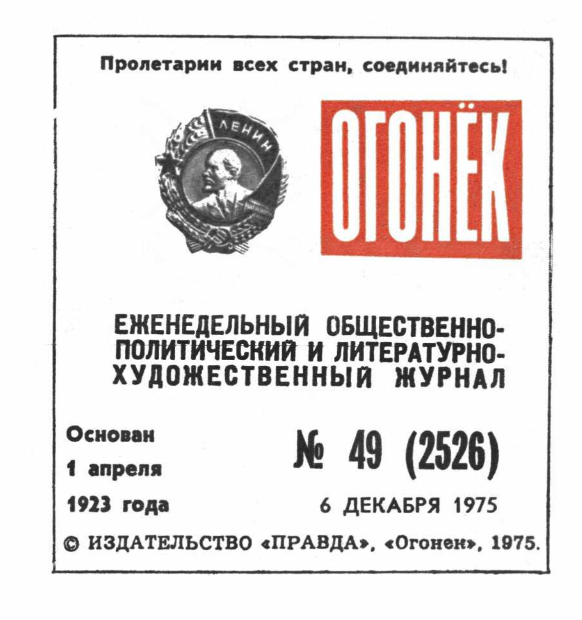
Коммунисты, состоящие в партийных организациях частей Советской Армии и Военно-Морского Флота, находящихся за границей, избирают делегатов на XXV съезд КПСС на партийных конференциях соответствующих войсковых соединений.

ятое 1 декабря 1975 года

ВЕННОГО ПЛАНА
ОЗЯЙСТВА СССР
А СССР НА 1976 ГОД

1976 год и внести их на рассмотрение сессии Верховного Совета СССР.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 49 (2526)

6 ДЕКАБРЯ 1975

Вручение «Золотой медали мира» товарищу Л. И. Брежневу.

ЗА НЕУТОМИМУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Фото С. СМИРНОВА

НА БЛАГО МИРА

ВРУЧЕНИЕ «ЗОЛОТОЙ МЕДАЛИ МИРА» ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС ТОВАРИЩУ Л. И. БРЕЖНЕВУ

В Кремле 27 ноября состоялось торжественное собрание, посвященное вручению Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Л. И. Брежневу «Золотой медали мира» имени Ф. Жолио-Кюри.

В Свердловском зале собрались представители трудящихся столицы, члены и кандидаты в члены ЦК КПСС, члены Центральной ревизионной комиссии КПСС, депутаты Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, руководители союзных министерств, ведомств, общественных организаций. В зале делегация Всемирного Совета Мира — участники состоявшейся на днях в Ленинграде Всемирной конференции представителей национальных движений за мир. Присутствовали послы социалистических стран.

Бурными, продолжительными аплодисментами собравшиеся встретили товарищей Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, А. А. Гречко, В. В. Гришина, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгина, Ф. Д. Кулакова, К. Т. Мазурова, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорного, Д. С. Полянского, М. А. Суслова, П. Н. Демичева, Б. Н. Пономарева, Д. Ф. Устинова, В. И. Долгих, И. В. Капитонова.

Торжественное собрание открыл первый заместитель председателя Советского комитета защиты мира академик Е. К. Федоров.

От имени Советского комитета защиты мира, от имени всех присутствующих он сердечно поздравил Леонида Ильича Брежнева с присуждением ему высшей награды всемирного движения сторонников мира.

Слово предоставляется генеральному секретарю Всемирного Совета Мира Р. Чандре.

В своей речи оратор дал высокую оценку выдающейся и целеустремленной деятельности товарища Л. И. Брежнева, Коммунистической партии Советского Союза и всего советского народа во имя мира, по осуществлению Программы мира, советских инициатив, затрагивающих наиболее актуальные международные проблемы современности.

Ромеш Чандра сказал, что личная роль товарища Брежнева в достижении выдающихся успехов в деле разрядки, и в особенности в успешном завершении совещания в Хельсинки, чрезвычайно велика, что ни один человек за последние годы не внес столь большой вклад в борьбу за дело мира и независимости, справедливости и социального прогресса для столь многих стран, как товарищ Брежнев.

Под бурные, продолжительные аплодисменты Р. Чандра вручил Леониду Ильичу Брежневу «Золотую медаль мира» имени Ф. Жолио-Кюри и диплом о присуждении этой высокой награды.

Затем выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев. Поблагодарив за вручение высокой награды президиума Всемирного Совета Мира — «Золотой медали мира», товарищ Л. И. Брежнев сказал, что в этой награде он видит признание мировой общественностью исторических заслуг нашей славной ленинской партии, нашего государства, всего советского народа в борьбе за всеобщий мир, за свободу и счастье народов.

От имени всех собравшихся Е. К. Федоров пожелал товарищу Л. И. Брежневу доброго здоровья, больших новых успехов в его многогранной деятельности на благо советских людей, на благо мира во всем мире.

Встреча товарищей Л. И. Брежнева и Г. Гусака.

ЕДИН

По приглашению ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР с 25 по 29 ноября 1975 года в Советском Союзе с официальным дружественным визитом находилась партийно-правительственная делегация Чехословацкой Социалистической Республики во главе с Генеральным секретарем ЦК КПЧ, Президентом ЧССР Г. Гусаком.

В ходе визита состоялись переговоры, в которых участвовали:

с советской стороны — Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А. П. Кириленко, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катушев, член ЦК КПСС, заместитель Председателя Совета Министров СССР М. А. Лесечко, член ЦК КПСС, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС К. В. Русаков, член ЦК КПСС, посол СССР в ЧССР В. В. Мацкевич;

с чехословацкой стороны — Генеральный секретарь ЦК КПЧ, Президент ЧССР Г. Гусак, член Президиума ЦК КПЧ, Председатель правительства ЧССР Л. Штроугал, член Президиума ЦК КПЧ, секретарь ЦК КПЧ В. Биляк, член Президиума ЦК КПЧ, Первый секретарь ЦК КП Словакии Й. Ленарт, член Президиума ЦК КПЧ, Председатель правительства ЧСР Й. Корчак, член Президиума ЦК КПЧ, заместитель Председателя правительства ЧССР, председатель Государственной

Проводы на Внуковском аэродроме.

Во время переговоров.

С Т В О

плановой комиссии ЧССР В. Гула, член ЦК КПЧ, посол ЧССР в Советском Союзе Я. Гавелка, заведующий Отделом международной политики ЦК КПЧ А. Вавруш.

Во время переговоров были обсуждены узловые вопросы дальнейшего углубления всестороннего сотрудничества между КПСС и КПЧ, СССР и ЧССР, а также актуальные проблемы международного положения, мирового коммунистического и рабочего движения. Переговоры прошли в обстановке сердечности и братского взаимопонимания, подтвердили полное единство взглядов.

В принятом совместном советско-чехословацком коммюнике об итогах официального дружественного визита в Советский Союз партийно-правительственной делегации ЧССР с удовлетворением отмечено, что за истекший период советско-чехословацкие отношения получили широкое развитие и поднялись на еще более высокий уровень.

26 ноября состоялась дружеская встреча Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с Генеральным секретарем ЦК КПЧ, Президентом ЧССР Г. Гусаком. Беседа руководителей двух братских партий прошла в обстановке полного единства взглядов, сердечности и товарищеского взаимопонимания.

29 ноября партийно-правительственная делегация Чехословацкой Социалистической Республики во главе с Генеральным секретарем ЦК КПЧ, Президентом ЧССР Густавом Гусаком, посетив, кроме Москвы, Минск и Ленинград, отбыла на родину.

Фото А. Гостева и В. Мусаэльяна (ТАСС)

ДРУЖЕСТВЕННЫЙ ВИЗИТ

С 24 по 28 ноября в Советском Союзе с дружественным визитом находились председатель исполкома Организации освобождения Палестины (ООП) Ясир Арафат и сопровождавшие его палестинские деятели.

Во время пребывания в Москве Я. Арафат и сопровождавшие его палестинские руководители имели дружественные беседы с членом Политбюро ЦК КПСС, министром иностранных дел СССР А. А. Громыко, кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС Б. Н. Пономаревым.

Представители Организации освобождения Палестины встречались с руководством Советского комитета солидарности стран Азии и Африки, другими представителями советской общественности.

В ходе бесед, проходивших в дружественной обстановке, состоялся широкий обмен мнениями о положении на Ближнем Востоке, и в частности о палестинской проблеме.

Во время беседы.

Фото С. Смирнова

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

К НОВЫМ СВЕРШЕНИЯМ

Валентин АЛЕКСАНДРОВ

От Кубы до Вьетнама, по трем континентам проходят сегодня границы стран социалистического содружества. Строй, восторжествовавший на территории, где живет одна треть населения земного шара, предстает перед миром как самый передовой, которому принадлежит будущее. Социализм не знает кризисов и безработицы. Объединенные в могучем содружестве СЭВ государства выпускают продукции больше, чем страны капиталистического Общего рынка.

Причины этих успехов объясняются самой природой социализма, мудрым стратегическим руководством, которое осуществляют в братских странах коммунистические и рабочие партии.

В жизни каждой из них событием первостепенной важности являются съезды партии, которые принимают программу, определяют стратегию борьбы за достижение намеченных целей. К таким важным событиям готовятся сегодня в ряде социалистических стран. 8 декабря соберутся на свой VII съезд члены Польской объединенной рабочей партии, затем откроется первый форум коммунистов Кубы, в феврале будущего года пройдет XXV съезд КПСС, в марте предстоит съезд Болгарской коммунистической партии, в апреле — Коммунистической партии Чехословакии, а в мае — Социалистической единой партии Германии.

«Предстоящие съезды наших партий, — сказал товарищ Л. И. Брежнев,— подведут итоги пройденного пути, определят, что мы должны будем сделать в предстоящие годы. Тот факт, что сейчас страны социализма решают сходные задачи, намного облегчает их решение, позволяет соединять знания, опыт, материальные и духовные ресурсы на благо каждого народа и во имя общих интересов социалистического содружества».

Сейчас в братских странах развернуто широкое обсуждение проектов съездовских документов. Характерна в этом отношении оживленная дискуссия, которая проходит в Польше. За четыре года, прошедших после предыдущего съезда, страна значительно продвинулась в своем развитии. Курс ПОРП на ускорение темпов роста экономики принес хорошие плоды. Только в октябре этого года промышленность выпустила продукции на 14 процентов больше, чем за тот же срок год назад. Существенно, что 86 процентов прироста получено за счет повышения производительности труда. Таких высоких показателей в стране никогда прежде не было.

Рост производства при социализме, как известно, не самоцель, его задача — как можно лучше удовлетворить запросы трудящихся. Это также подтверждается на примере Польши. Фонд заработной платы здесь увеличился за этот год примерно в такой же пропорции, как и производство, так же возрос и объем розничной торговли.

Смысл нашей деятельности, говорил на встрече с докерами в Гданьске в октябре этого года Первый секретарь ЦК ПОРП Э. Герек, связан с улучшением жизненного уровня людей; дело строительства социализма — это дело, связанное с жизнью народа, и все, что мы делаем, строя предприятия, автострады, железные дороги, высшие учебные заведения, служит народу, повышению его жизненного уровня.

Решая назревшие вопросы текущей политики, намечая планы на несколько лет вперед, съезды компартий формируют и перспективу партийной жизни, принимают основные документы, которые определяют всю работу партии, деятельность каждого коммуниста. Такого рода документом являются тезисы ЦК ПОРП к VII съезду партии, которые как бы дополняют и конкретизируют применительно к обстановке положения принятой на прошлом съезде программы.

Фундаментальные документы предстоит обсудить I съезду коммунистов Кубы. Это проект программной платформы партии и проект конституции, который затем должен быть вынесен на всенародный референдум.

Значение съездов коммунистов выходит за рамки национальных границ, ибо коммунизм интернационален в своей основе и каждая компартия узами классового единства, братской солидарности, идейной общности нерасторжимо связана с другими партиями мирового коммунистического движения.

Съезды компартий социалистических стран стали своеобразными форумами коллективного сотрудничества коммунистов, они служат авторитетной трибуной для изложения взглядов по самым крупным и актуальным проблемам международной жизни, мирового коммунистического движения, революционной борьбы народов.

Велика ответственность, лежащая на высших форумах правящих партий стран социализма. Под стать этой ответственности и зрелость партий, авторитет, организованность, воля, владение искусством и наукой руководства обществом.

Год от года усиливается притягательность идей научного коммунизма, растут ряды армии коммунистов. Только за последние полтора десятилетия число коммунистических и рабочих партий возросло на 14, и ныне они действуют в 89 странах. Общее число коммунистов увеличилось за это время на 20 миллионов — теперь оно достигло 50 миллионов.

А сколько людей отдают голоса за депутатов-коммунистов на выборах в развивающихся и капиталистических странах мира! И это также свидетельство роста притягательности коммунистических идей, успешно воплощаемых в жизнь в братских странах социализма.

В зале заседаний сессии. С докладом выступает заместитель Председателя Совета Министров СССР, Председатель Госплана СССР депутат Н. К. Байбаков.
Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева

ВПЕРЕДИ—ДЕСЯТАЯ ПЯТИЛЕТКА

2 декабря в Москве, в Большом Кремлевском дворце, начала работу четвертая сессия Верховного Совета СССР девятого созыва.

В 10 часов утра под председательством Председателя Совета Союза А. П. Шитикова открылось первое совместное заседание Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР.

Бурными, продолжительными аплодисментами, стоя, депутаты и гости встретили товарищей Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, А. А. Гречко, В. В. Гришина, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, Ф. Д. Кулакова, Д. А. Кунаева, К. Т. Мазурова, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорного, Д. С. Полянского, М. А. Суслова, В. В. Щербицкого, П. Н. Демичева, П. М. Машерова, Б. Н. Пономарева, Ш. Р. Рашидова, Г. В. Романова, М. С. Соломенцева, Д. Ф. Устинова, В. И. Долгих, И. В. Капитонова, К. Ф. Катушева.

Депутаты единогласно утвердили повестку дня сессии, а также порядок ее работы.

В повестке дня сессии вопросы:

1. О Государственном плане развития народного хозяйства СССР на 1976 год.
2. О Государственном бюджете СССР на 1976 год и об исполнении Государственного бюджета СССР за 1974 год.
3. Об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР.

По первому пункту повестки дня с докладом выступил заместитель Председателя Совета Министров СССР, Председатель Госплана СССР депутат Н. К. Байбаков.

Доклад «О Государственном бюджете СССР на 1976 год и об исполнении Государственного бюджета СССР за 1974 год» сделал министр финансов СССР депутат В. Ф. Гарбузов.

ВЕРНОСТЬ И СТОЙКОСТЬ

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ДОЛОРЕС ИБАРРУРИ

Главное в жизни Долорес Ибаррури, Председателя Коммунистической партии Испании, 80-летие которой отмечают не только испанские коммунисты и демократы, но и все советские люди,— верность и стойкость. Верность идеям марксизма-ленинизма, страстным пропагандистом которых она является на протяжении всей своей общественно-политической деятельности. Верность рабочему классу, своему народу и своей родине — Испании, за свободу, независимость и достоинство которых она сражается со всей энергией и темпераментом революционерки и испанки. Верность партии, в рядах которой она прошла путь от рядовой коммунистки до одного из высших руководителей. Верность Стране Советов, в которой она всегда видела светоч для всего человечества и за которую в грозные годы Отечественной войны отдал свою жизнь на сталинградской земле ее сын, Герой Советского Союза Рубен Ибаррури.

Фото А. Гречухина

И стойкость, ибо ей было нелегко порвать с традициями, освященными католической религией, обрекавшими женщину на рабский труд и ограничивавшими все ее интересы только семейным кругом. Эта стойкость была ей нужна и потом, когда полиция бросила за решетку тюрьмы сначала мужа, а затем и ее. Она была необходима Ибаррури всю жизнь. Отнюдь не случайно она назвала свои воспоминания «Единственный путь», поскольку иного пути, кроме того, что был избран ею еще в молодости, у нее не было.

Внучка и дочь шахтера, Ибаррури рано познала всю тяжесть подневольного труда. Именно тогда возник у нее жгучий интерес к социальным проблемам, который привел ее, молодую женщину, вначале в социалистическую партию, а затем, после победы Октябрьской революции в России, в ряды тех активистов рабочего движения, которые избрали путь русских большевиков. Ибаррури стала коммунисткой вместе с рождением Коммунистической партии, участвуя в ее учредительном съезде.

В рядах компартии раскрылся и расцвел ее талант организатора, пропагандиста и агитатора, вскоре выдвинувший Ибаррури в первые ряды ее руководителей. В 27 лет она возглавляет провинциальную партийную организацию, в 35 лет ее избирают в состав Центрального комитета, а в 37 — членом Политбюро. Столь же быстро росла и ее популярность среди рабочих. Каждое ее выступление на митингах превращалось в бурные манифестации трудящихся в поддержку компартии и ее политики. Ей тяжело вдвойне: она не только профессиональная революционерка, но и мать растущего семейства. Однако ни шесть арестов, ни нужда, ни смерть четырех детей, ни долгие разлуки с семьей не сломили ее стойкости и воли.

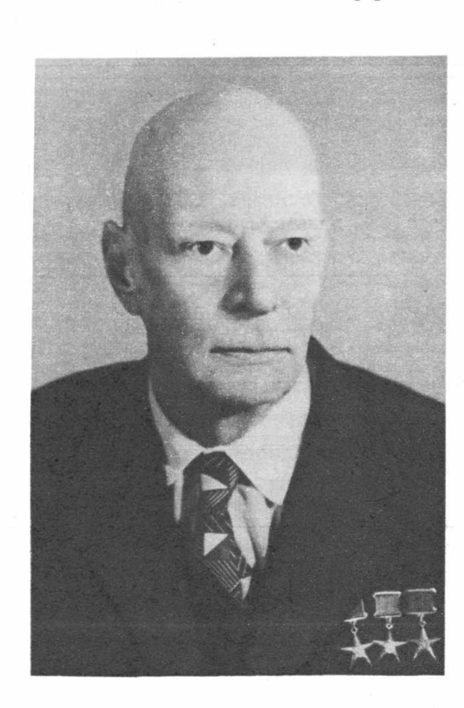
Делу рабочего класса, делу партии Долорес отдает все свои силы. Нет такого партийного поручения, которое бы она не стремилась выполнить самым лучшим образом. Партия поручает Ибаррури создать ежедневную газету, орган Центрального комитета, и она в короткий срок не только создает ее, но и превращает в одну из самых популярных среди трудящихся. Тогда же она зарекомендовала себя блестящим журналистом, чьи статьи за подписью «Пасионария» («Пламенная») будили мысль читателя, звали его к борьбе. Этот псевдоним вскоре стал партийной кличкой Ибаррури.

В годы гражданской войны против фашизма ее страстные призывы к народам всего мира поддержать справедливую и героическую борьбу испанского народа, ее пламенные лозунги: «Они не пройдут!», «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях!» — облетели весь мир, мобилизуя и поднимая на борьбу с фашистской чумой миллионы людей.

Поражение республики вынудило Ибаррури, как и десятки тысяч коммунистов и демократов, покинуть землю горячо любимой Испании. Но Ибаррури осталась верна избранному раз и навсегда пути, и в новых условиях она продолжала бороться за торжество того дела, которому она служила. Она стала генеральным секретарем, а затем Председателем партии в самый тяжелый и сложный период в истории Испании, когда в стране утвердилась франкистская диктатура, демократические силы были раздроблены и несли огромные потери от фашистского террора. Надо было сплотить эти силы, поднять на борьбу с франкизмом новых борцов. И если сейчас, после смерти Франко, последнего фашистского диктатора в Западной Европе, Испания живет в ожидании перемен, если в стране растет и действует массовое движение, ведущее борьбу за ее демократическое обновление, то в этом немалая заслуга Долорес Ибаррури.

М. МАРКОВ

А. П. АЛЕКСАНДРОВ—НОВЫЙ ПРЕЗИДЕНТ АКАДЕМИИ НАУК СССР

25 ноября 1975 года на общем собрании Академии наук был избран новый президент академии, Анатолий Петрович Александров, трижды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий, член ЦК КПСС.

Академик А. П. Александров — выдающийся ученый в области атомной физики и энергетики, известный общественный деятель и крупный организатор науки, работы которого получили мировое признание. На протяжении многих лет А. П. Александров является ведущим ученым и руководителем исследований и разработок в области атомной науки и техники.

Диапазон научных интересов А. П. Александрова чрезвычайно широк: ядерная физика, физика твердого тела, физика полимеров.

В годы Великой Отечественной войны А. П. Александров возглавил работы по защите кораблей от магнитных мин. Научные основы метода защиты были заложены в предвоенные годы под его непосредственным руководством. Эта работа спасла многие тысячи жизней наших моряков.

В атомную науку и технику А. П. Александров пришел в конце Великой Отечественной войны. В середине 40-х годов он и возглавляемые им коллективы в необычайно короткий срок выполнили сложные и чрезвычайно трудоемкие физические исследования и разработки, которые были необходимы для решения атомной проблемы.

Особо большое и важное государственное и научное значение имеют работы А. П. Александрова, связанные с научными и техническими проблемами ядерной энергетики. Результаты, достигнутые под его научным руководством в этой области, позволили нашей стране занять лидирующие позиции по многим разделам атомной науки, техники и промышленности.

Разносторонние научные интересы ученого широко проявились на посту директора Института атомной энергии имени И. В. Курчатова, который он возглавляет с 1960 года. А. П. Александров создает в институте отдел физики твердого тела, в котором развернулись весьма перспективные исследования в области сверхпроводимости, нашедшие важное применение в технике. Несколько ранее он вместе с И. В. Курчатовым организует здесь биологический отдел, который стал одним из центров молекулярной биологии в нашей стране.

В 1953 году А. П. Александров избирается действительным членом АН СССР, а с 1960 года входит в состав президиума АН СССР, где ведет большую работу по координации деятельности Академии наук СССР и академий наук союзных республик в области атомной науки и техники.

А. П. Александров является членом Академии наук Венгерской Народной Республики, членом Шведской королевской инженерной академии.

Ян Вермер Делфтский. 1632—1675. ДАМА С ЛЮТНЕЙ. Середина 1660-х годов. Музей Метрополитен. Нью-Йорк.

Жан Батист Симеон Шарден. 1699—1779. МЫЛЬНЫЕ ПУЗЫРИ.

Музей Метрополитен. Нью-Йорк.

А. ЩЕРБАКОВ

РАЗДУМЬЯ ПОСЛЕ ЛЕКЦИИ

Время от времени он наведывается в Минск, заходит в Академию наук, в институт, где работал, и знакомые задают ему обычно один и тот же вопрос: не жалеешь, что уехал в Могилев? Иные, когда он отвечает, что не жалеет, сомневаются в его искренности и до сих пор считают тот его шаг по меньшей мере необдуманным. Надо же! Окончил аспирантуру в Институте экономики Академии наук БССР, защитил диссертацию, вполне мог остаться на академическом «довольствии» и вдруг уехал в Могилев рядовым преподавателем машиностроительного института.

Ну ладно, уехал. Быстро дорос до заведующего кафедрой. Тут бы ему и держаться, на следующую ступеньку ногу постепенно заносить. А он отказался от института и перешел в лекторскую группу обкома партии. Снова рядовым.

Пусть кому-то непонятно. У него, у Георгия Владимировича, на все это своя точка зрения. Он не спорит: в институте, конечно, передний край. Но он, Грек, считает, что сегодня ему важнее быть с теми, кто «делает» пятилетку, отвечает за день завтрашний, к которому студенты только готовятся. В институт можно вернуться позже, тем более с багажом жизненного и партийного опыта.

Так он рассудил, когда ему предложили перейти лектором в областной комитет партии. И абсолютно убежден, что рассудил верно.

Еще одно обстоятельство повлияло на это решение. Накануне Георгий Владимирович встретил инженера-железнодорожника, одного из тех, кому читал в институте первую свою лекцию.

Он читал тогда «вечерникам» в машиностроительном институте. Разумеется, волновался. Особенно боялся, что не справится без конспекта. А зарок себе дал такой: в аудитории ни в какие бумажки ни одним глазом. Помнил по студенческим временам, как скептически принимали преподавателей, «приклеенных» к шпаргалкам.

Аудитория сидела солидная. Человек сто двадцать. В основном производственники. Он перед ними — совсем мальчишка. Но они слушали внимательно. По вопросам чувствовалось, что тут же прикидывают, как состыковать узнанное с практикой, с действительностью.

А потом, когда он стал ездить по предприятиям, по колхозам, стройкам, он еще сильнее ощутил тягу людей труда к знаниям. Она приводила их, уставших после трудового дня, в аудитории и они требовали от педагогов, лекторов: «Сделайте так, чтоб ваше слово было убедительным, ясным, умным».

Он понимает этих людей и сам похож на них своей ненасытной пытливостью, жаждой новых знаний, подвижнической прилежностью. Казалось бы, все у него есть, что нужно лектору: ученая степень, эрудиция, умение держаться перед аудиторией. А он все ищет, спешит на завод, чтоб посмотреть, как реализуются на практике рекомендации по контролю над качеством продукции, сидит над книгой и пополняет картотеку, в областном совете научно-технического общества, где возглавляет комиссию по экономике, советуется с производственниками по проблемам научной организации труда.

Не так давно пришлось готовить лекцию «Внешние экономические связи Советского Союза». Тема для него — целина. «Накоплений», заготовок никаких. А время поджимало. Можно, конечно, обойтись тем, что лежит ближе всего, «настричь» в периодике факты, надежно «подпереть» их общими положениями, выводами. Он готовился месяц. Начал, как всегда, с ленинских трудов, через них к современности, подобрал интересные примеры. По традиции, которую ввела в лекторской группе обкома ее заведующая Любовь Иосифовна Айзенштадт, лекцию обсудили всей группой. Он учел замечания, советы. И только тогда объявил: готов!

Людская тяга к знаниям прогрессирует. И тут надо сказать вот о чем. Спрашивают с наших просветителей все больше и строже, а обеспечиваем мы их по нормам, давно уже устаревшим, никак не отвечающим теперешним требованиям. Ну, например, библиография. Насколько удобней было бы работать Греку, если б он периодически получал информацию о выходящей в стране литературе по общественным наукам и знал, где можно нужную книгу выписать; если бы получал информацию о защите диссертаций по общественным наукам и мог бы ознакомиться с интересующими его диссертациями. Нет пока у него такой возможности. Разве только «скоростные рейды» по книжным магазинам города в надежде пополнить свою библиотеку какой-нибудь ценной новинкой.

Много проходит в стране конгрессов, симпозиумов, конференций. На все рядовому лектору, тем более с периферии, не попасть. А материалы этих форумов при нынешней технике ему прислать совсем не сложно. Каким ценным подспорьем они оказались бы! Кому заняться? Есть кому! Комитет по науке и технике, институты информации, общество «Знание»... Словом, организаций достаточно.

Тоже насчет кинофильмов и магнитофонных записей. Есть, правда, у Грека в кабинете магнитофон, но записей мало, и тематика их, если сравнить с тематикой его лекций, очень узка. А как пригодилось бы во время лекции мнение по каким-то проблемам ученого, директора завода, партийного работника. Однако нет пока таких записей, и взять их негде. Нужны кинофильмы об опыте внедрения научной организации труда, автоматических систем управления, о современных экономических связях. Они тоже пока лишь предмет мечтания лектора.

Возможность поехать в Москву на консультацию к большому специалисту, возможность посетить со своими слушателями передовой завод республики или лучшую стройку, возможность познакомиться с опытом лучших лекторов Ленинграда, Новосибирска, Прибалтики — все это совершенно необходимо нашему просветителю, и он прав, требуя этого.

...Лекция кончилась. А полтора часа назад он вошел в аудиторию, поздоровался и напомнил тему: «Повышение эффективности общественного производства — стержневая проблема развития экономики». Объемистый черный портфель его остался у стола нераскрытым, что означало: вся лекция только по памяти, никаких «палочек-выручалочек». Это сразу расположило к нему, тем более тут же выявилось, что материалом он владеет, изложить его убедительно и доступно умеет, а взыскательная аудитория — главные инженеры предприятий, строек, начальники цехов, ведущие экономисты городской промышленности — люди, с которыми ему нет надобности заново искать общий язык. Он взял основные проблемы: производительность труда, экономия сырьевых ресурсов, рациональное расходование капитальных вложений, повышение качества продукции,— обосновал их значение в масштабе страны и сразу обратился к делам области.

— Вы знаете, конечно, Бобруйское деревообрабатывающее объединение. Там делают превосходные гарнитуры. Они аттестованы на Знак качества.

И после маленькой паузы:

— Однако этих превосходных гарнитуров выпускается не более пяти в год. Можно ли в данном случае считать успех предприятия полноценным? Много ли выигрывает потребитель, когда улучшается качество фактически недоступных ему изделий?

Слушатели живо реагировали. И тогда он незаметно втянул в беседу почти всех присутствующих. Дошла очередь до вопросов. Их задали много. Было видно, что это радует его, потому что по вопросам он судит об активности, заинтересованности и зрелости аудитории. К тому же любознательность слушателей заряжает, воспламеняет его, дает возможность попробовать свои силы в полемике.

...Полтора часа. А затем еще одна лекция, тут же, в городском Доме политического просвещения. А по дороге домой он говорил со своим попутчиком о том, что очень хотел бы, чтобы в школьные программы ввели такой предмет: навыки ораторского искусства.

— Сейчас выступать должен уметь и директор завода, и партийный работник, и ткачиха, и агроном. А Луначарский когда-то сказал, что к лекции надо готовиться всю жизнь.

Могилев — Минск.

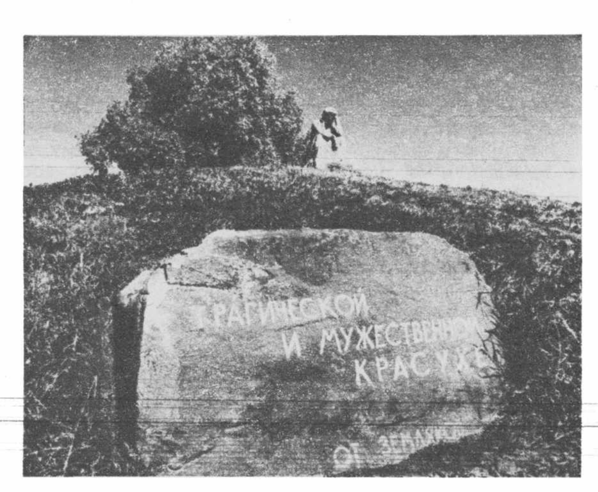
Георгий Владимирович Грек.

Так выглядит поселок колхоза «Аудрини».

ПОРОДН

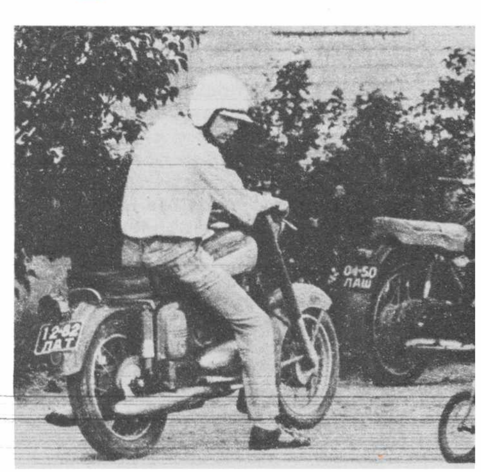

Нина Ивановна Михайлова.

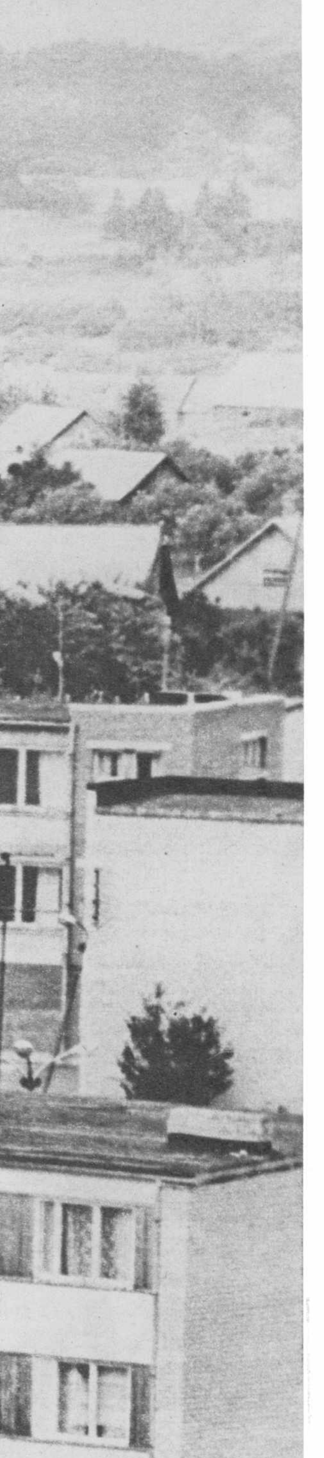

Здесь была деревня Красуха.

Разве без транспорта проживешь!

Надежда КОЖЕВНИКОВА,
фото И. ГАВРИЛОВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

По обе стороны шоссе — поля, сады, деревни. Но землю, что лежит близ дороги из Порхова в Остров, люди решили оставить нетронутой, заповедной. Положили плиту: «Трагической мужественной Красухе от земляков». Плита — подножие памятника «Скорбящая псковитянка».

Когда-то здесь стояли дома, жили люди, цвели сады. Одна яблоня осталась, и каждую весну взрывается белым цветом, и светится в темноте, как факел. Одинокая яблоня на пустыре.

Деревня звалась Красухой. 27 ноября 1943 года ее не стало. Ее выжгли дотла вместе с жителями. Осталось одно название.

Красуха... Лидице... Хатынь... Аудрини...

Война... Приказ командующего полицией безопасности и СД в Латвии Штрауха на немецком, латышском и русском языках был расклеен на столбах и стенах по всему уезду: «Жители деревни Аудрини, Резекненского уезда, более четверти года скрывали у себя красноармейцев, прятали, давали им оружие и всячески способствовали им в противогосударственной деятельности...

Как наказание я назначил следующее:

а) смести с лица земли деревню Аудрини;

б) жителей деревни арестовать;

в) 30 жителей мужского пола деревни Аудрини 4 января 1942 года публично расстрелять на базарной площади города Резекне...»

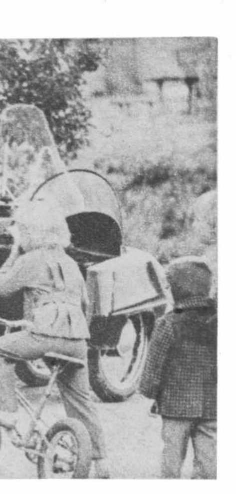
Нет Красухи. Нет Аудрини. Но стольким живым, живущим близка эта трагедия, столько судеб изломаны войной, что Красуха, Аудрини теперь символы общего горя.

Почти триста человек погибли 27 ноября 1943 года в Красухе. Немногим удалось спас-

Татьяна.

ЕННЫЕ»

Школьники из Риги приезжают помогать колхозу.

Свадьба. Жених и невеста проходят традиционные испытания.

Лучший комбайнер колхоза «Аудрини» Станислав Пынка.

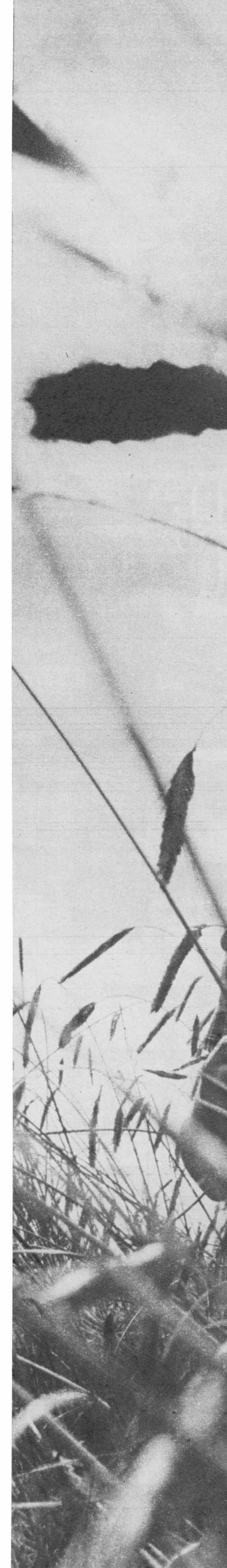
Живая земля.

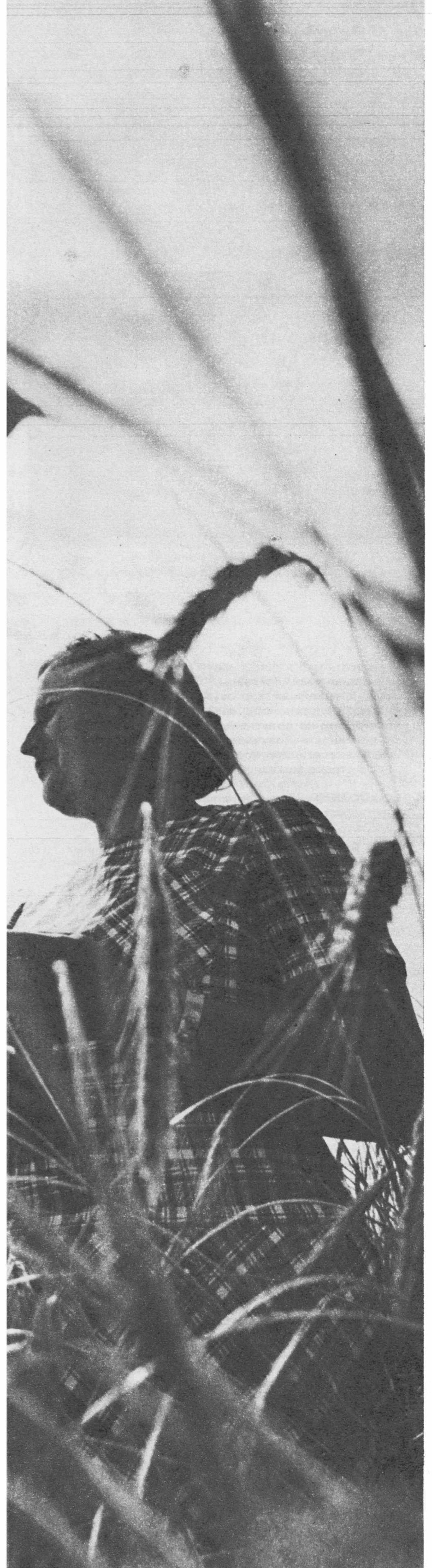
Главный агроном совхоза «Полоное» Галина Андреевна Силицина.

Директор совхоза «Полоное» Д. М. Константинов (слева) в гостях у друзей — секретаря парторганизации колхоза «Аудрини» К. Н. Дукуль и председателя колхоза Н. Т. Рыжакова.

тись. Спаслась Нина Ивановна Михайлова, она живет неподалеку, в деревне Требешницы.

Время было такое, что все жители — в полях, и спросить, где дом Михайловой, некого. Но вот из-за поворота на сбитой, пыльной дороге появилась женщина. В руках — букетик цветов, похожих на шмелей: золотисто-коричневые, бархатистые, сплошь утыканные крохотными лиловыми звездочками.

— «Горланка» зовется. Завялить, кипятком заварить и горло полоскать — очень помогает.

Женщина посмотрела на нас доброжелательно. На вопрос, где бы Нину Михайлову найти, ответила обрадованно:

— Дак ведь это ж я!

Не удивляясь, не выясняя, зачем могла понадобиться незнакомым людям, пригласила к себе в дом, разлила молоко по кружкам и, только рассадив, взглянула с доверчивым интересом, мол, что скажут...

— Двадцать четыре года мне было. И как сожгли они нашу Требешницу, перебралась я к тете Паше в Красуху. Жила там. А как-то однажды вижу: едут-едут машины, полны немцев. Слет ихний, верно, был. Большое начальство, все с кокардами. Мы сразу почувствовали недоброе. И точно, смотрим, уже запаляют они хаты. Тетенька Паша и говорит: «Ой, выноси ребят». А у нас полна хата ребятишек-то. Одного вынесла, другого, с самым махоньким выхожу, смотрю — немец... Нас в школе-то немецкому учили, так я этому немцу и говорю: не запаляйте, мол, там — на хату показываю — киндрики. А он взглянул на меня да оскалился. Ой, говорю тетеньке, чтой-то с нами будет. Бежать надо. А тетенька плачет. Куда, говорит, бежать, перестреляют всех. Но я с ребятишками как подхватилась, да по черному дыму как побежим! А они по нам палить! До канавы добежали, ледок уже тогда был, а я в одних галошах напробоску. Добежали, значит, и до лесу поползли... Но мы еще тогда не знали, что случилось с народом. Потом женщину встретили, та из огня спаслась. Но она уже прямо не в себе была. Волосы на себе рвала и кричала, кричала... А я тогда в партизаны ушла. А весной мы с нашими встретились...

Она смотрит вдаль, потом говорит, спохватываясь:

— Да вы пейте, пейте молоко-то...

...Дом Капитолины Нефедовны Платоновой, жительницы латышской деревни Аудрини, стоял у самой дороги, потому к ней первой айзсарги и пришли: нет ли оружия, нет ли партизан? Тем более, что давно держали фашистские власти эту семью под подозрением: у родственников Капитолины красный флаг нашли. И долго разбираться не стали; мужчин в сарай загнали, а Капитолину с четырехмесячной дочкой на руках отправили в Резекненскую тюрьму.

Из сарая того почти никто не спасся, в сосняке их расстреляли, в Анчупанском лесу. А Капитолина Нефедовна томилась в Резекненской тюрьме.

— Потом пришел офицер. В очках, с переводчиком. Первый раз гитлеровца увидела, раньше-то айзсарги над нами командовали. Пришел и говорит: «Кто тут из аудринцев остался, выходи». Я обмерла вся. Ну, думаю, пришла смерть. Приказ, говорит, пришел, больше не расстреливать... Ну, вышла я, смотрю, а никого из наших аудринских не осталось-то. Никого... Стою, и дочка у меня на руках. А идти некуда, все пожгли, все разграбили...

Красуха — Аудрини. На машине три-четыре часа езды. Сегодня по серо-лиловой ленте шоссе мчатся автобусы, грузовики, мотороллеры, минуя ненужную больше людям границу между Латвией и Псковской областью. Псковский совхоз «Полоное», на земле которого стояла когда-то деревня Красуха, породнился с латышским колхозом «Аудрини». Одна из улиц центральной усадьбы совхоза «Полоное» носит имя Аудрини. В латышском хозяйстве есть улица Красуха. Руководители хозяйств подписали договор о социалистическом соревновании. Контакты, связи между побратимами проявляются в самых разнообразных формах. В праздники едет полный людей автобус из «Аудрини» в «Полоное» или из «Полоного» в «Аудрини». И встречают хозяева гостей цветами, разносолами.

— Николай Трофимович, ну как, закончили сенокос? — спрашивает по телефону директор совхоза «Полоное» Дмитрий Максимович Константинов председателя колхоза «Аудрини» Рыжакова.— Копнители новые получили? И мы тоже... Плуг тот, обещанный, мы вам приготовили, присылайте машину.

Хорошо, когда есть что другу показать или чем-нибудь другу помочь. Николай Трофимович Рыжаков — учитель. Бывший. Преподавал в сельских школах математику. Потом райком партии направил его в аудринский колхоз.

— Главное, если не знаешь, не бойся спросить. Мне сначала много приходилось спрашивать. Прошел я курсы при академии, а чутья, которое есть у крестьян, которое передается из поколения в поколение, недоставало... Вот мне псковитяне помогали. Сейчас, как могу, долги возвращаю...

А для директора Константинова назначение в село было тоже неожиданным. Был железнодорожником, даже стал начальником станции и считал железную дорогу призванием своим. И непривычной, трудной, временной казалась ему работа на новом месте. Но за двадцать лет пришел опыт. А современной деревне оказался необходим такой руководитель, знающий специфику и заводской и сельской работы, воспитанный в ленинградской Высшей партийной школе.

Рабочий день директора начинается рано. И если надо застать Константинова в кабинете, надо быть ровно к семи утра, потом его уже не поймаешь. В семь вы увидите его лобастую голову, зеленоватые, в глубоких глазницах глаза. В пальцах дымится «беломорина». Сидит, опершись локтями о край стола, будто большая птица. Он всегда так слушает, напряженно глядя собеседнику в глаза. А собеседников много. Агроном, зоотехник, бухгалтер, инженер, трактористы, доярки плотно набились в директорский кабинет. Нет-нет да проскочит у кого-нибудь в сердцах:

— Да как же, Дмитрий Максимович, с зеленкой для скота будет?

— А вентиляторы когда в коровник поставят?

— С кукурузой, товарищи, плохо, ночи холодные...

Через несколько минут директорский «газик» уже стоит возле ремонтных мастерских, потом мчится в сторону свинарников... Скорость движения «газика» небольшая. Через каждые двадцать метров директор нажимает на тормоз, высовывается в окно и проводит, не слезая с колес, деловое совещание: как то, как се?

...Машина подает зеленые гранулы — отличный корм для скота. Константинов перебирает их в пальцах, будто драгоценную россыпь. Оглядывается на приехавшего из Аудрини председателя Рыжакова: «У вас как сушильня работает, не барахлит?..»

Не только судьбы деревень Красухи и Аудрини сходны. Сходны и судьбы жителей.

Екатерина Степановна Сергеева, Герой Социалистического Труда, бригадир из совхоза «Полоное», рассказала:

— Недавно аудринцы приглашали нас на открытие монумента. Так хорошо все сделано, мрамор... А я не могла... Ушла в лес. Криком кричать хотелось. Общая у нас боль, общую беду пережили.

Была общая беда, теперь общие праздник и радость.

«Аудрини» — показательное хозяйство. Поселок городского типа. Газ, горячая вода, все удобства. В новых многоквартирных домах живет в основном молодежь.

— Если тянет в город, мы не держим,— говорит секретарь партийной организации К. Н. Дукуль.— Землю надо любить. Кто не любит ее, все равно не работник. Тем, кто остается, стараемся создать все условия, жильем обеспечить. Кстати, сегодня вручаем ключи! Приурочили к самой свадьбе. Киномеханик наша, Марина Ляшкова, и шофер Константинов Петр женятся...

— Едут! Едут!

Машины, украшенные гирляндами, родные, гости, жених и невеста в длинном платье. Жених и невеста проходят через строй гостей, поднявших над их головами розы на длинных стеблях. Молодые садятся в украшенные цветами «Жигули». Поехали к памятнику, в Анчупаны... По дороге, мощенной булыжником и щебенкой, войдут они в сосняк. Увидят белую высокую стену, а на ней слова: «Они умерли, чтобы жил ты».

200 000 КИЛОМЕТРОВ ПО СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ

magazyn ilustrowany **przyjazn**

Мы пригласили к нам в редакцию корреспондента польского журнала «Пшиязнь» Марека Сечковского и корреспондента венгерского еженедельника «Орсаг Вилаг» Белу Баняса и попросили рассказать о памятных встречах за годы работы в Советском Союзе. Рассказ этот начался у карты нашей страны, и маршруты их командировок, как оказалось, часто пересекались.

●

М. СЕЧКОВСКИЙ. Мы исколесили почти весь Советский Союз, часто бывали в одних и тех же местах, хотя никогда не ездили вместе. Даже в нашей последней, самой длинной командировке на Дальний Восток, которую организовал для группы журналистов отдел печати МИД СССР, я и Бела оказались в разных группах. Мы прикинули, что каждый из нас за четыре года работы проехал и пролетел по сто тысяч километров. Только за последнюю поездку мы «проглотили» почти тридцать пять тысяч километров! Это была нелегкая командировка, но до чего интересная! Для меня она стала настоящим открытием Дальнего Востока, как до этого был для меня открытием БАМ.

Б. БАНЯС. Если быть точным, то наши пути с самого начала работы в Союзе сошлись три года назад в Тюмени. Мы не просто приезжали посмотреть, что тут делалось. Мы изучали экономический и политический эффект открытия запасов нефти и газа. В этом году перед тюменцами стоит задача дать 146 миллионов тонн нефти!

М. СЕЧКОВСКИЙ. Мы здесь в командировке от имени своих читателей, которых интересует самое главное и самое важное, что происходит в СССР. Наши пути с корреспондентом «Орсаг Вилаг» часто пересекались еще и потому, что наши страны соединены общей ниткой нефтепровода «Дружба».

«ОГОНЕК». О чем был ваш самый первый репортаж из СССР?

Б. БАНЯС. Мой первый репортаж как раз был связан с нефтью и СЭВом. Он назывался «Река в бетонном русле». Я рассказал о том, как нефть из Татарии идет в нашу страну. Я учился в Свердловском университете и подружился с будущим геологом Костей Ивановым, с которым жил в общежитии в одной комнате. Когда я перешел на третий курс, Костя закончил учебу и на прощание сказал: «Знаешь, друг, мы оба с тобой ленивы на письма, но ты все-таки жди от меня необычной весточки». И однажды в Венгрии, когда я был в Сазхаломбатте на нефтепроводе, я подумал: «Когда-то моряки бросали в море бутылку с запиской. Может, и Костя Иванов где-то в Альметьевске запечатал в бутылку свое необычное послание, и вот теперь по этим трубам вместе с советской нефтью оно пришло ко мне». Так я и написал в своем первом репортаже.

Кстати, в Тюмени живут народности ханты и манси, наши «родственники»: наши языки относятся к одной и той же финно-угорской группе. Я пошутил однажды: «Наши предки не знали, что здесь нефть, и, может, поэтому они отсюда и ушли в Европу». А в ответ услышал: «Ничего, наша тюменская, татарская нефть придет к вам по нефтепроводу «Дружба»!»

М. СЕЧКОВСКИЙ. А моя первая командировка была в Подмосковье, на опытную станцию Института железнодорожного транспорта. Там испытываются новые типы вагонов и тепловозов. Репортаж назывался «Билет в будущее». И это название стало как бы перспективным планом всей моей работы в СССР. Почему польскому читателю так интересны советские стройки пятилетки? Потому что наши пятилетки тесно взаимосвязаны. Советский Союз — наш крупнейший торговый партнер: каждое четвертое судно под советским флагом было построено на польских верфях, польская промышленность получает из Советского Союза восемьдесят пять процентов потребляемой у нас в стране железной руды.

«ОГОНЕК». Были ли у вас за эти годы свои журналистские открытия в Советском Союзе?

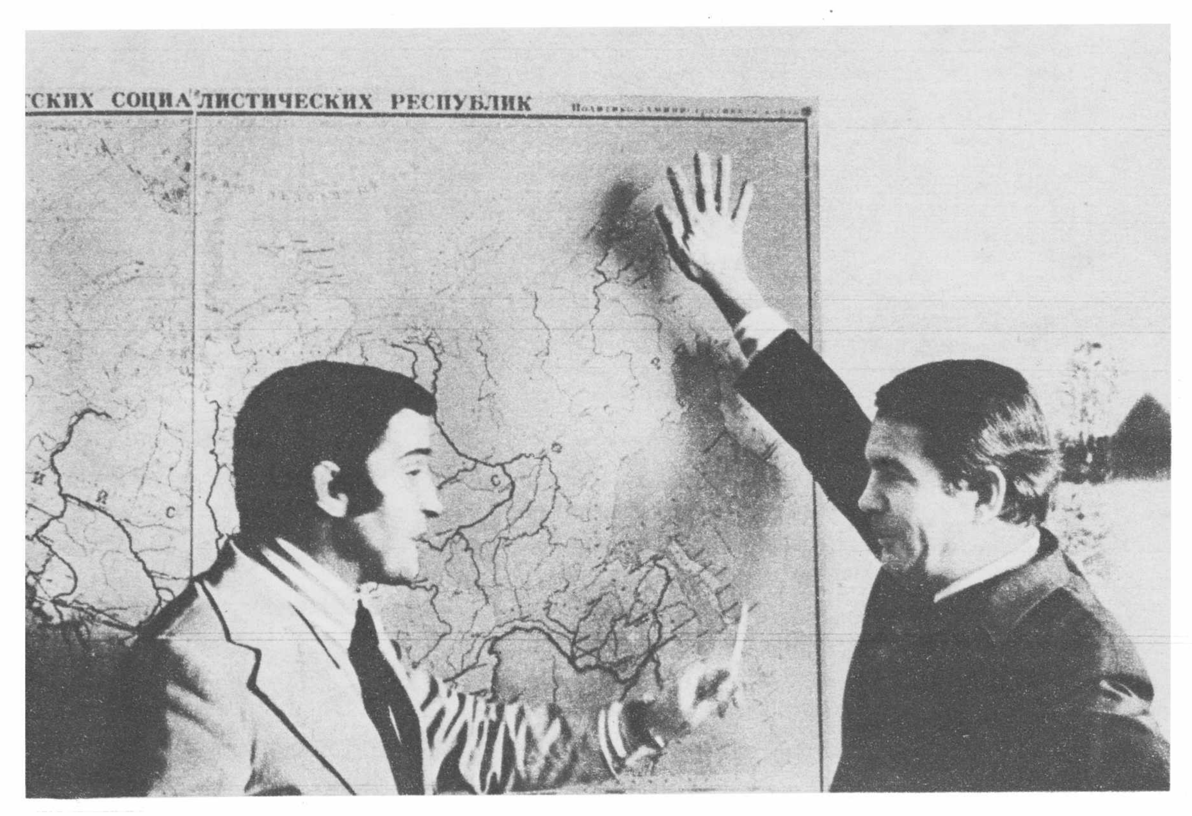
Б. БАНЯС. Одним из первых моих личных открытий была расшифровка, что такое «сибирский характер». Еще когда я в 1951 году приехал учиться в Свердловский университет, я часто слышал о сибиряках, что это особый народ и что есть особый «сибирский характер». Но вот в Новокузнецке я повстречал украинского парня, который учился со мной в Свердловске и считал себя сибиряком, как и Евгений Бугаенко из центра России, который уже пятнадцать лет живет в Хабаровске. А на Камчатке я познакомился с Галей Васильевой, сибирячкой из Подмосковья.

М. СЕЧКОВСКИЙ. И все-таки, как ты считаешь, существует особый «сибирский характер»?

Б. БАНЯС. Я бы сказал иначе: это советский характер. Например, Юрий Петрович Панфилов, с которым ты и я встречались в Мирном, родился под Днепропетровском, работал на Волге, потом в Сирии четыре года строил гидростанцию и, попав в Сибирь, называет себя сибиряком!

М. СЕЧКОВСКИЙ. Я целиком поддерживаю это «открытие».

Триста лет назад русские люди заселили Сибирь, дошли до Тихого океана. Это — прошлое Сибири, и польскому читателю узнать об этом любопытно. Но главное не прошлое, главное то, что здесь происходит сегодня. А сегодня Сибирь, по признанию итальянского журналиста, побывавшего в этих краях, стала знамением того, что XXI век станет «русским веком». Можно смело утверждать, что освоение Сибири — одно из самых грандиозных свершений нашего столетия. Поэтому и сибиряки и те, кто приезжает сюда и считает себя сибиряком, вызывают огромный социологический и чисто человеческий интерес. Да, эти люди жи-

М. Сечковский (слева) и Б. Баняс.

Фото А. Гостева.

вут и работают в тяжелых, почти фронтовых условиях напряженной стройки, вырабатывая в себе характер особой закалки. Мне очень интересно изучать этот особый советский характер. Западный обыватель не понимает, почему Саша, которого я встретил в Тольятти, бросил благоустроенную квартиру в Воронеже и сказал своей жене, матери полугодовалого ребенка: «Собирайся, едем в Тольятти!» Я спросил: «Как ты ей объяснил, для чего едешь?» Он ответил: «Сказал, что хочу сам строить наш советский автомобиль». Писать о Советском Союзе порой бывает трудно оттого, что у наших читателей представление о гигантских масштабах Советской страны просто не укладывается в голове. Предположим, у нас в Польше где-то строится железная дорога. Это значит, что от конечного пункта уже существующей линии мы строим километр за километром ее продолжение. Если построено двести километров, это уже огромная стройка. Но вот я веду репортаж с БАМа. Здесь приходится строить десантами — сверху, с воздуха, и с земли. Рассказывая об этом, я никак не могу обойтись без пафоса, без высоких слов, которые тут уместны.

Б. БАНЯС. На БАМе я задал пятнадцати строителям один и тот же вопрос: «Почему вы сюда поехали?» Это были люди из разных концов страны, и вот один из них сказал: «Я здесь, потому что мой дед строил Комсомольск». Другой ответил: «Мой брат работает в Усть-Илиме!»— а третий объяснил: «Моя мать строила Уралмаш». Биография БАМа началась... еще в годы первых пятилеток!

М. СЕЧКОВСКИЙ. В одном из моих репортажей я объяснял, что такое целинники. В Советском Союзе часто можно услышать: «мы камазовцы», «мы тюменцы», «мы бамовцы». Три года назад, когда я отправился в свою первую командировку в Целиноград, я узнал, что стоит за словами «мы целинники». Я познакомился с семьей, в которой дружно жили вместе представители девяти национальностей. И в этом было проявление особенностей советского характера. Советский характер меняет сегодня климат, поворачивает вспять реки, он даже меняет обычаи. Здесь, на целине, я побывал на сабантуе. Праздник этот давний, татарский, а здесь он выглядит совсем по-новому, и главную роль на нем теперь уже играют не кони, а трактор «К-701».

Б. БАНЯС. На Камчатке у нас была встреча в облисполкоме. Председатель его уже 23 года живет здесь. В разговоре с ним я сказал: «Двести лет назад сюда был сослан Мориц Бенёвский, который участвовал в польском восстании. Из ссылки он бежал, прихватив дочку губернатора, и считал, что ему крупно повезло. А мне, я считаю, больше «повезло», я больше унес с Камчатки». Я увидел не только вулкан, который родился на глазах у Марека Сечковского, я увидел, что рядом с вулканом растет картошка. 23 года назад, когда этот председатель приехал на Камчатку, он привез с собой сушеный картофель. А сейчас там его собирают по сто сорок центнеров с гектара. Это, если мне не изменяет память, больше, чем в Венгрии.

М. СЕЧКОВСКИЙ. Байкало-Амурская магистраль... Мы знаем, какой энтузиазм вызвали эти слова, особенно среди молодежи, когда их впервые произнес Леонид Ильич Брежнев. Мы брали интервью у тех, кто прямо из зала заседаний XVII съезда комсомола отправился на БАМ. Мы провожали этих ребят на Комсомольской площади, а потом уже на стройке повстречались снова. На БАМ попасть было трудно, но наши редакции каждый день требовали: давай БАМ! Попасть туда было нелегко, потому что там все еще только начиналось, а какой хозяин жаждет гостей, когда дом только начал строиться? И все-таки мы попали на БАМ. В прошлом году в марте до второй опорной точки БАМа в Магистральный можно было добраться только вертолетом. Добрались мы таким способом до места, нас поселили в новенькие деревянные домики. Два-три таких домика строители сдают каждую неделю. Сижу я в этом доме и думаю, неплохо бы чайку попить. Машинально включаю электрический чайник в розетку, и через несколько минут чай готов. Потом открываю окно и слышу музыку из громкоговорителя. И вдруг я осознал: ведь я на «острове» в тайге, откуда же здесь ток? Выскочил на улицу, спрашиваю первого прохожего. Оказывается, еще летом водным путем сюда доставили два дизеля. И это было для меня самой большой радостью — узнать, что даже здесь, в тайге, позаботились о том, чтобы люди получили максимум возможного комфорта.

Б. БАНЯС. Знаете, есть такая легенда о том, что якут всю жизнь сидел на сундуке, полном сокровищ, и не знал, какое в нем хранится богатство. Я вспомнил сейчас эту легенду, чтобы сказать: даже в такой мощной стране, как Советский Союз, открыть сундук, закованный вечной мерзлотой, было очень и очень нелегко. Мне попадались на глаза статьи, написанные известными специалистами по добыче алмазов в капиталистических странах, которые утверждали, что достать эти сокровища русским будет не по силам: слишком глухой этот край, Якутия! Но все эти прогнозы опрокинули самые обычные советские люди, для которых слово «подвиг» стало нормой жизни. Я не против романтики, в Сибири ее хватает, но я вижу, как меняется само содержание этого понятия. Теперь уже говорят не о романтике первых палаток, романтику я вижу в том, что в поселке Магистральный в глухой тайге есть радио и электричество. Вот почему меня лично в Сибири впечатляют масштабы огромной заботы, которую проявляют партия, Советское государство о строителях и прежде всего о молодежи, которой всегда интересно быть там, где труднее.

М. СЕЧКОВСКИЙ. Помню, как собирались наши польские студенты в Сибирь, на БАМ. Им посчастливилось попасть в международный студенческий отряд. Заботливая мама одного из ребят пытала меня: «Как там? Говорят, комары и мошка заедают?» А сын и его товарищи в это время с энтузиазмом слушали «министра БАМа» — так называют здесь заместителя министра транспортного строительства Мохортова, который говорил, обращаясь к студентам: «Мы даем вам материалы. Вы должны построить клуб, школы и другие объекты. Будет замечательно, если вы сумеете придать этим зданиям национальные черты, характерные для ваших стран. Пусть навсегда здесь останется свидетельство вашего участия в сооружении БАМа».

«ОГОНЕК». А вы заметили, что в своем рассказе постоянно возвращаетесь к Сибири?

Б. БАНЯС. Это естественно: Директивы XXIV съезда КПСС определили для нас этот маршрут. И потом это наша самая последняя и потому памятная командировка. Попав на Дальний Восток, мы воочию увидели окно в XXI век. Его «прорубают» сегодня советские бульдозеры. А польские корабли провозят через него контейнеры с грузами. Эти грузы в трюмы польских кораблей загружают венгерские портовые краны, а чехословацкие оранжевые «татры» везут их по дорогам Советского Союза. Здесь, во Владивостоке, мне вспомнились ленинские слова, сказанные на заре Советской власти, о том, что хоть и далек этот город, но «город-то нашенский»! Мы, журналисты социалистических стран, увидели в Сибири и на Дальнем Востоке много примет подлинно социалистического содружества, и потому мы тоже можем назвать эти края «нашенскими».

М. СЕЧКОВСКИЙ. Когда я приезжаю в Польшу и встречаюсь со своими коллегами-журналистами, работающими в других странах, каждый рассказывает о «своей» стране. Но все сходятся в одном — и это очень важно: за последние несколько лет благодаря усилиям Советского Союза и других социалистических государств очень изменился, потеплел климат международной жизни. И мне показалось символичным, что наша последняя командировка на Дальний Восток в составе группы иностранных журналистов завершилась беседой с членом ЦК КПСС, первым секретарем Приморского крайкома партии товарищем В. П. Ломакиным в том самом здании, где проходила историческая встреча Леонида Ильича Брежнева с президентом США Фордом. Мы сидели за тем же самым столом, и речь шла о громадных переменах в мире, которые увенчались советско-американской стыковкой в космосе.

Б. БАНЯС. Мы заканчиваем серию своих репортажей о поездке на Дальний Восток и думаем, что они прозвучат актуально именно сейчас, в преддверии XXV съезда Коммунистической партии Советского Союза.

ПОБЕДИЛ В ВОЙНЕ, ПОБЕДИТ В МИРЕ

Л. ПЛЕШАКОВ

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА, специальные корреспонденты «Огонька»

Во Вьетнаме началась уборка зимнего урожая риса, первого урожая мирного времени. Его высаживали на залитые водой поля через два месяца после того, как на всей территории страны наконец смолкли бои. Крестьяне только начинали привыкать к работе на полях в дневное время, к автомашинам, которые средь бела дня катили по дорогам, не опасаясь ракет, и к гулу самолетов, летевших обычным авиарейсом из одного города в другой.

Тридцать лет войны, то затухавшей, то разраставшейся с новой силой, стали тяжелым испытанием не только для народа, но и для самой вьетнамской земли. Военные статистики, сравнивая количество бомб и снарядов, сброшенных и выпущенных по Вьетнаму, с количеством взрывчатки, использованной во второй мировой войне, подсчитали, что Вьетнам держит «первенство» в этом трагическом соревновании.

Но и без специальных арифметических выкладок понимаешь, что довелось испытать этой земле, стоит только проехать по ее дорогам, пройти по улицам истерзанных городов, взглянуть на рисовые поля с круглыми блюдцами воронок, заполненных водой.

В Хюэ, старой императорской столице, культурном и историческом центре Вьетнама, мы ночевали в университетском городке. Утром в ожидании автомашины у порога дома, под развесистыми цветущими деревьями, я ткнул носком ботинка гравийную дорожку, и к ногам вместе с камешками полетел патрон автоматического карабина системы «кольт». Ковырнул еще раз — еще два патрона: снаряженные, чистенькие, не тронутые коррозией... За несколько минут я собрал их целую пригоршню. Вьетнамские товарищи не удивились, только сказали: осторожнее, тут могут быть и мины. Тридцать лет борьбы — большой срок, чтобы привыкнуть и не удивляться самому противоестественному — войне.

Корпус неразорвавшейся бомбы, который я увидел на пальме за околицей, стал колоколом: он предупреждал работавших в поле крестьян об очередном налете. В воронке, залитой водой, мальчишки устроили купальню. Контейнеры из-под зенитных ракет стали воротами у въезда в села, а половинки сигарообразных корпусов для шариковых авиабомб на манер штакетника огораживали буддийский храм.

Мне вспомнилась моя орловская деревня такой, какой она была в первые месяцы после окончания войны, ровно тридцать лет назад. Снарядные гильзы со сплющенными горлышками и дырой в боку заменяли нам лампы. Из горлышка торчал фитиль, а через дырку в гильзу заливали бензин. Керосина не было, а бензин — горючее войны — достать было проще, и чтобы он не взорвался в самодельном светильнике, в него кидали щепотку соли, которая тоже была дефицитом. При свете таких «катюш» мы учили уроки, читали книги о том, как было «до войны», и мечтали о будущем.

Подбитые танки на рисовых полях Вьетнама напомнили о сожженных танках, остановившихся на нашем непаханом, паровавшем четвертый год черноземе. Много позже их стащили с полей и отправили в переплавку. Прошло еще много лет, и старые «тридцатьчетверки», которые миновали мартеновские печи, вернулись на те же поля и встали на железобетонные постаменты вечным памятником нашей великой Победы.

Танки на вьетнамских полях — участники недавних сражений. Люди еще не успели перековать их на орала. Но придет время, когда и они, эти танки, встанут памятниками победы вьетнамского народа.

Две трети населения Вьетнама родилось в минувшее тридцатилетие. Значит, только каждый третий знал, что такое жить в мирное время! И теперь, за эти семь месяцев мирной жизни, родились те, кого назовут новым, послевоенным поколением. Им расти на мирной земле, им в будущем работать на ней.

Работы тут хватит всем. И тем, кто второго сентября 1945-го провозгласил рождение республики, и тем, кто сражался у Дьенбьенфу в 1954-м, и тем, кто весной семьдесят пятого брал Дананг и Сайгон.

Да, работы тут хватит всем. Ведь земля очень богата. Она богата полезными ископаемыми, которые помогают разыскивать советские специалисты. А разве не богатство благодатный климат и плодородные земли, которые позволяют выращивать два-три урожая.

Здесь есть отличные условия для развития промышленности и энергетики. Со временем вьетнамский народ не только восстановит все разрушенное войной, но и наверстает упущенное. Однако для скорейшего подъема народного хозяйства необходимо не только время. Нужно решить немало общественно-политических задач. Долгие годы страна была разорвана на две части, экономическая и политическая жизнь которых развивалась в разных условиях. Сейчас правительства ДРВ и РЮВ сделали конкретные шаги, чтобы решить проблему объединения, которая оказалась совсем не простым делом даже после военной победы.

Близится объединение страны, о котором мечтали миллионы вьетнамцев.

●

Побережье у Дананга все еще хранит следы недавних боев.

Первые мирные рисовые поля.

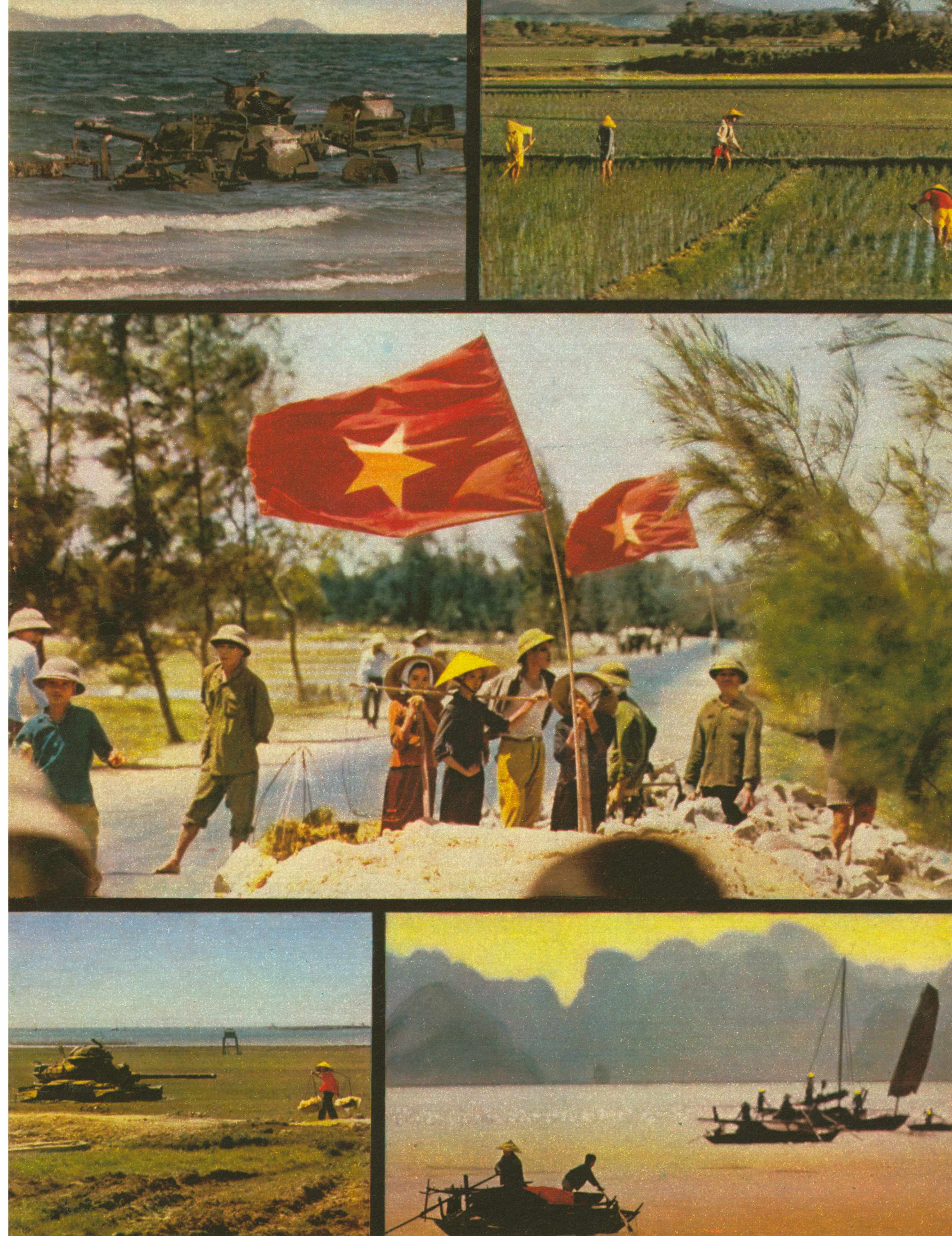
На мелиоративные работы выходят всей деревней, как на праздник.

Он нес сюда смерть и здесь нашел свой конец.

Залив Халонг — жемчужина Вьетнама.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

На эту землю пришел мир.

ЗА ЧЕРТОЙ ГОРИЗОНТА

Евгений АНТОШКИН

РАБОЧИЙ КЛАСС

Если ты не знаешь,
Кто ты,
Погляди
Хотя бы раз,
Как домой идет
С работы
От станков
Рабочий класс.
Сверла отложив
И фрезы,
Он идет —
Уверен шаг,
С пресным привкусом
Железа
На обветренных
Губах.
У него характер
Твердый:
Поперек пути
Не стой.
От его походки
Гордой
Шар колышется
Земной.
До всего ему
Есть дело,
Он не любит слов
Пустых
И о личном судит
Смело
И о спорах
Мировых.
Все открыто,
Деловито,
Все всерьез,
Не напоказ.
Поглядишь,
И сразу видно,
Что идет
Рабочий класс.

ГОРИЗОНТ

Я взобрался на холм,
и с высот
Спелым полем дохну́ло пряно.
Закачался вдали
горизонт
И, рассерженный,
вдруг отпрянул.
Мне другие открылись луга
И леса,
что за дымкой скрывались.
И заросшие берега
Над водой
не спеша поднимались.
Я повыше еще взбежал,
А потом
еще выше малость.
Горизонт,
словно нитка, дрожал,
Если новая даль открывалась.
То, как молния,
он юлил,
То слепил
неожиданным светом.
Словно тайны хранителем был,
Он держал все вокруг
под запретом...
— Что такое, скажи,
горизонт? —
Как-то, мама, меня ты
спросила.
Словно памятью вновь
осветило
И отца
И дорогу на фронт...
Снова вспомнила,
Как это было:
Долго пыль над дорогой
клубилась
От тяжелых солдатских шагов,
Долго солнце в тот вечер
садилось,
Слыша дальний обманчивый
гром.
А потом
как в тумане
все плыло.
А потом,
а потом,
а потом —
Все чертой горизонта
закрыло.

●

Пересвист перелетных птиц,
С чем сравнить его —
С детской игрою?..
День осенний
Еще светлолиц,
Обдуваемый влагой лесною.

И как пчелы,
Слетевшись на луг,
Расторопно
Пролетные птицы
Облепили шумливо ветлу,
И от крика их
Людям не спится.

То воркуют,
То робко звенят —
Не понять их тревожные речи...
И грустит
О весенних днях
На ветле
Опустевший скворечник.

●

А. ПРОКОФЬЕВУ

О чем вы говорили мне,
Когда я рифм искал созвучья,
Когда в костре трещали сучья
И лес качался на волне,—
О чем вы говорили мне?..

О чем вы говорили мне,
Когда я ритм неповторимый
Искал упрямо и ревниво
И душу жег в его огне,—
О чем вы говорили мне?..

О чем вы говорили мне,
Когда в два слова:
Долг и право —
Вмещали боль земли и славу,
Путь проследив ее кровавый —
О мире пели и войне,—
О чем вы говорили мне?..

О чем вы говорили мне,
Произнося слова святые?..
И слышалось во всем:
Рос-си-я!..
А в сердце
Выше слова нет.

СОЛДАТКИ

Войной им сердца опалило.
И в праздничный день февраля
О том,
Что в их жизни было,
Солдатки опять говорят.
Заботы,
заботы,
заботы...
Они все осилить смогли.
Их руки грубы от работы,
Им лица
ветра иссекли.

Недаром их спины
согнулись,
Недаром померкли
глаза.
Домой мужики не вернулись,
Клялись ведь
Вернуться назад.

Февральская ночь запуржила,
Закрыла поземкой
следы.
Их души с тоской
подружились,
Хлебнувшие вдоволь
беды.

Вновь завтра
Проснутся до света,
Достоинства выйдут полны...
И долго их длится беседа
При свете
полночной луны.

МЯЧ

Он на полке лежал
Рядом с книгами,
дома.
А потом я о нем
И совсем позабыл...
Он упруго скользнул,
Он подпрыгнул знакомо.
И я вспомнил:
Отец мне его
подарил.

Не напрасно он мне
По ночам даже
снился,
Этот кожаный мяч —
Колобок надувной.
И со мной по годам
Он легко
покатился,
Тот подарок отца —
Дорогой, дорогой.

Помню, как он, шутя,
Подтолкнул его пяткой
И, казалось, веселью
Не будет конца:
Мяч по кругу пошел,
То крутясь,
то вприсядку,
Повторяя легко
Все движенья отца...

Сколько лет пронеслось,
Он, как был,
Неизменный.
Это значит — у памяти
Возраста нет.
Через годы пронес
Тот подарок бесценный
И улыбку отца,
Как последний привет.

●

Этот дом,
Этот двор,
Этот город,
Этот трижды забытый восторг.
Только снег белой крупкой
за ворот
И холодная просинь
дорог.
Только месяц,
Как буйвола лбище,
Одиноко блестит в камышах.
Впереди притаилось кладбище,
И замерзшие ветлы шуршат.
Убегает убого дорога.
По проселкам
скользит к городам.
Ты глядишь
То печально,
То строго,
Знать, уходишь по ней
навсегда?

●

Лег туман на остывших полях.
И казалось,
Луна задремала,
На растрепанных тополях,
Словно челн на волнах,
Качалась.

Эта тихая, знобкая ночь
Долго добрым гонцом
хлопотала,
Чтоб ушло все недоброе прочь,
Сколько дум на клубок
Намотала.

СТРОИТЕЛЯМ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ ТЮМЕНЬ — СУРГУТ

Строители трассы,
О вас пою,
Да здравствует вечно
Работа!..
И поезд,
Разматывая колею,
Идет сквозь урман
и болота.
И мы не забудем тех дней
никогда:
Под ношей походной сгибаясь,
Как вы бездорожьем
Спешили сюда,
В тайгу вековую врубаясь.
Вы дням потеряли летящим
счет,
Вам снилась дорога ночами,
Но шли вы упрямо вперед
И вперед,
И вот за вами она встает
Стальной колеей за плечами.
Где властвует вечно
Гнилая вода,
Где речь никогда не звучала,
Степенно и ходко пошли
поезда,
Под ними земля закачалась.
А рельсы все дальше на север
бегут,
Расскажут они,
Как вы жили.
И слышно в их гуле:
— Сургут,

В ханойском Музее изобразительных искусств.

Камфа — город вьетнамских шахтеров.

Сургут,—
Как песня,
Что вы сложили.
И ветры навстречу
И ночь
И день,
Их поступь теперь всем
понятна:
— Сургут —
Тюмень,
Сургут —
Тюмень,
Как эхо,
Летит обратно.
Недаром колес перезвончива
дробь,
Расхвастались важным грузом:
— Спешим на Обь,
Спешим на Обь
Со строек всего Союза...
И вот вы победно ступили
сюда,
Здесь вашей легенды начало.
— Идут поезда,
Идут поезда!—
Казалось,
Тайга кричала.
И солнце вослед
Не в силах бежать,—
Так поезда бег отчаян.
И слез не в силах уже
сдержать,
И каждому руку хочет пожать
Герой труда Коротчаев.

ОЗЕРО САМОТЛОР

Тайги необъятный простор,
Пропахшая торфом вода —
Таким ты мне,
Самотлор,
Запомнишься навсегда.
Вновь буры уходят вглубь,
Тебе их
Не одолеть,
Чтоб щупальца цепкие труб
Бежали потом по земле.
Вода твоя холодна,
И нефть твоя горяча.
Кто гнев твой однажды
познал,
Не будет рубить
сплеча.
На северной широте
Вдали от дорог лежишь,
Уже миллионы лет
Ты клады свои сторожишь.
Ты прятал их навсегда —
Твои закрома глубоки.
Но люди пришли сюда
И разомкнули замки.
Но ты о том не жалей!
Кто знал о тебе вчера?..
А ныне по всей земле
Известны твои мастера.

●

Вновь играет с волною
в жмурки,
То бортом к ней,
То килем встает
Пароходик смешной и юркий
Под названием «Черный кот».

Обь грозит нам разгневанным
валом,
Капитан бросил судно в вираж.
Речники, мол,
Народ бывалый,
Здесь похлестче, чем в море,
Ветра.

Непогода, и та с ним ладит,
Столько видел он разных рек,
Сибиряк Горонков Геннадий —
Доброты большой человек.

Уважают его матросы,
В нем рабочая хватка видна,
Рудовозы и все лесовозы
Назовет вам по именам.
Улыбается на прощанье,
Мол,
Увидимся точно в срок
В той же самой
Бухте Свиданий...
И, как верное обещанье,
Парохода знакомый гудок.

●

Жил дед бобылем —
С прибауткой вдвоем.
Бывало, скажет,
Как узлом
завяжет:
— Жизнь в мои, мол,
лета
Водой
Залита,
По буграм
Посеяна,
По ветру
Развеяна.
Живу один,
Как господин.
Гвоздок забил,
А где —
Забыл.
Хожу хлопочу —
Вспомнить хочу...
— Ты что же,
Дед,
Разут,
Раздет,
Худы валенки?..
А он
В ответ:
— Уж много лет
Греюсь на завалинке...
— Ты, дед,
Чудак!..
— Чудак рыбак
Рыбку удит,
А есть
Не будет.
А я не так —
Я есть мастак.
Пришла весна,
Река,
Как блесна,
Скользит протокою.
И жизнь красна.
И даже
Во снах
На речку
Топаю...

●

Е. ОСЕТРОВУ

Мир населен;
Об этом —
каждый шорох,
И ветки взмах,
И говорок ключа.
О жизни все живое
Вторит хором.
О жизни камни
Из-под мхов
кричат.
Мир населен.
Жируют звери,
Птицы.
И солнце
Распаляет свою ярь.
Пока беспечным
Безмятежно спится,
Природы научись читать
букварь.
Она твой ум
Дыханием наполнит,
Как амфору
Старинное вино.
Метание пчелы
Опять тебе
напомнит:
Мир населен.
И ты в нем — лишь
Звено.

КРЫЛЬЯ

Е. ЛУЦКАЯ

Славу изображают крылатой: она возносится ввысь и возвещает миру о Мастере. Так над земным шаром летит слава Майи Плисецкой.

Плисецкая крылата не потому, что сравнивают с крыльями ее руки. Не потому, что жаждой вольного полета дышит ее Жар-Птица. Не потому, что отдается в наших сердцах биение крыл Умирающего лебедя. Не потому, что приколдовывают нас исповедь Одетты и ворожба Одилии, их спор, их поединок — вечные лики Добра и Зла. Не потому, что татарская красавица Сюимбике плачет о сожженных крыльях...

Окрыленность изначально заложена в ее танце. Мчаться над площадью, над городом, ближе к солнцу,— такой остается ее Китри. Мчаться к свободе, призывая к бунту, к возмездию,— такой остается ее Лауренсия. Мчаться над сонмом жеманных придворных и галантных кавалеров, вольно сочетая академизм с экспрессией,— такой остается ее Аврора.

Окрыленность заложена в ее личности. Ничего показного: ни громогласных заявлений в печати, ни капризов «любимицы Терпсихоры», ни аффектированной скромности. Естественность в общении с людьми, тяга к любым проявлениям таланта, способность радоваться бытию, дарить зрителям радость. Ненависть к меланхолическому нытью, к унынию. Такова Плисецкая. Она одержима будущим: тем, о чем мечтается, тем, что свершится. Замыслы окрыляют ее, придают душевные и физические силы, необходимые для столь насыщенной творческой жизни.

Пожелать — и выполнить желание. Задумать — и осуществить. Может ли выпасть художнику большее счастье? Плисецкая — Художник счастливый. Считала, что рождена танцевать Кармен. И танцует Кармен — **свою**, пламенную в страсти, независимости, отваге. Дерзнула прикоснуться к Анне Карениной (к тому же дебютировав как балетмейстер) и вышла победительницей из рискованного опыта. Захотела танцевать «Чайку» — значит, непременно появится Нина Заречная, какой видится она Майе Плисецкой.

Убедить в своей правоте, перешагнуть через сложившиеся понятия о персонаже, отринуть привычные схемы — все эти свойства ничуть не менее важны, чем уникальные природные данные, столь щедро отпущенные Плисецкой. Однако в поэтическом и жестоком искусстве балета дары природы сами по себе почти ничего не означают. Большой эластичный шаг, гибкость корпуса, гармония пропорций, упругая сила прыжка, изощренная пальцевая техника — кому нужны были бы все эти «балеринские стати», если бы сам танец был формален, пуст, бессодержателен? Танец Плисецкой обозначает богатство натуры: могучий актерский темперамент, слияние чувства с музыкой, пластическое и психологическое тождество с воплощаемым характером.

Перевоплощение — главная загадка театра вообще, театра Плисецкой особенно. Уловишь ли миг, когда изысканно-удлиненное,

---

Н. ТОЛЧЕНОВА

ГОДЫ И ЛЮДИ

Скажем сразу: публикуя первую книгу романа Анатолия Ананьева «Годы без войны», журнал «Новый мир» предложил нам отнюдь не легковесную беллетристику,— не ту развлекательную прозу, которая, будучи не слишком обременена мыслями, изливается порою со страниц некоторых изданий.

Нет, перед нами проза совсем другая. Добросовестно и глубинно автор исследует избранную им тему. Исследует с тою тщательностью, которая, на мой взгляд, определяет уже и самый стиль повествования, неспешный — быть может, даже несколько подчеркнуто неспешный — разговор автора с читателем.

Незаурядные масштабы и смысл взятой Ананьевым темы достаточно ясно обозначены в названии

Анатолий Ананьев. Годы без войны. «Новый мир», №№ 4—6, 1975.

ТАЛАНТА

Фото Е. Умнова

стройное тело Плисецкой становится стеблем Розы, поначалу гордо вознесенным, затем вдруг надломленным, никнущим, ранящим душу образом своей гибели. Поймаешь ли момент, когда элегантная и ироничная исполнительница «Ноктюрна» вдруг ассоциируется с образами современниц Шопена, неотразимо романтических женщин Польши прошлого столетия? Постигнешь ли секрет преображения неистово-пылкой Персидки, Мехменэ Бану, Заремы, Эгины, Фригии в героиню «Прелюда», неземную, отрешенную, возникающую словно из глубин музыкальных образов Баха...

А быть может, притягательность ее творчества и в том, что не все в нем разгадаешь до конца и не всему дашь словесное определение... Во всяком случае, такие чудеса дарит каждая встреча с Плисецкой.

Одна из встреч — в Останкине. Объединение «Экран» готовится к очередной съемке. Идет наладка аппаратуры. Оговаривается маршрут кинокамеры. Заканчиваются последние «летучки», совещания со звукооператорами, осветителями, ассистентами. То и дело входят свободные от смены сотрудники — посмотреть на Плисецкую.

Майя же вне предсъемочной спешки. Она занимается—как всю жизнь, из сезона в сезон, с первого учебного года до нынешнего рабочего дня, как уже много лет,— занимается в Большом, у Асафа Мессерера, знаменитого педагога и постановщика. И сейчас наизусть выполняет она знакомые движения урока — дань «производственной необходимости». Но и в простейших па класса Плисецкой — завершенная красота классического танца... И вдруг непостижимый переход в иное качественное состояние. На огромной, очерченной алым горизонтом площадке, одетая в алый наряд, она танцует дуэт, и мгновенно память подсказывает тургеневские слова: «Песнь торжествующей любви»,— так звучит порывистая танцевальная «речь» Плисецкой.

Снимаются «Вешние воды». В новом телевизионном фильме хореография сложно взаимодействует с драмой; эпизоды драматические Плисецкая сыграет с Иннокентием Смоктуновским (режиссура Анатолия Эфроса). Танцевать «роман юного Санина» с Плисецкой будет молодой солист из Новосибирска Анатолий Бердышев. Сочинил хореографию «Вешних вод» молодой балетмейстер ленинградец Валентин Елизарьев, работающий в Минске.

Плисецкая верна себе: все неизведанное, смелое, молодое, перспективное неизменно близко и важно ей.

Толстой, Тургенев, Чехов — эти великие имена связываются с ее деятельностью так же естественно, как имена Чайковского и Глазунова, Стравинского и Малера, Щедрина и Прокофьева... Среди ее соратников и единомышленников только настоящие таланты. Здесь и замечательный режиссер и оператор Маргарита Пилихина, создавшая новаторский киновариант «Анны Карениной». Здесь молодой танцовщик Александр Годунов, создавший лучшие свои работы именно в спектаклях Плисецкой. Здесь кубинец Альберто Алонсо, француз Ролан Пети, американец Джером Роббинс и, конечно, советские балетмейстеры — от Леонида Якобсона и Касьяна Голейзовского до Натальи Касаткиной и Владимира Василёва.

Работать с Плисецкой радостно, ибо труды хореографа вознаграждаются сторицей — творческой отдачей балерины.

...Восемь колонн и квадрига Аполлона. На плафоне — музы, мраморная белизна фойе. Сверкание лож. Блеск люстры. Слов нет, роскошно здание близкого к двухсотлетию Большого театра. Но что означает сама по себе роскошь? Ведь и золото тускнеет, и пурпур меркнет, ежели прокрадывается на подмостки равнодушное ремесло. Золото горит и пурпур пылает только для высокого искусства.

На сцене Майя Плисецкая. Она выходит на бесчисленные вызовы. Падают к ее ногам цветы: розы, гвоздики, хризантемы, — ими выражается благодарность человеческая... Майя никогда не говорит о бурных восторгах прессы. Зачем говорить, когда это есть в избытке. Но Майя отнюдь не существует, спокойно почив на лаврах. Повседневно, ежечасно живет и трудится она, народная артистка СССР, лауреат Ленинской премии, сообразно своей крылатой и всемирной славе.

Вот почему сегодня для Плисецкой еще не пришло время подводить итоги. Сегодня для Плисецкой время творить, мечтать, одерживать новые победы.

романа. Годы без войны — это наши послевоенные годы со всеми их особенностями. Это и новизна их и все перемены, внесенные ими в сознание людей, переживших войну. Это годы, насыщенные тем нравственным содержанием, которое выявила и столь остро подчеркнула война.

Годы — без войны — увидены автором не только в их глобальной, исторической сложности и противоречивости. Они взяты еще и в тех живых пересечениях личных человеческих судеб, какие даже и в эти, без войны, мирные годы изобилуют драматизмом и остротой, и чреваты своими, казалось бы, только частными, но от этого не менее горькими тревогами и бедами.

Осмысление облика современности, ее основных нравственных резервов — вот так, думается, можно выразить эту тему в главной ее сущности.

Разумеется, писатель, обратившийся к подобной теме, вынужден как-то сам ограничивать себя, строже населяя пространство романа героями, которые, однако же, не просто подчиняются авторской воле, а обретают собственную жизнь, от воли автора как бы теперь уже и не зависящую.

Перед нами люди нашего времени,—люди города и села, интеллигенция, партийные работники, их друзья и противники, их дети— та молодая поросль, что идет на смену уже и этим, послевоенным людям... Роман заполнен людьми густо, плотно. Едва только читателю покажется, что он уже знает всех действующих лиц, Ананьев тут же вводит в ход событий новых персонажей, вызывающих неожиданные повороты в судьбе и самой жизни героев.

Незаметно, но все более явственно писатель заставляет нас ощущать — словно наши собственные — свои симпатии и антипатии, выводя на первый план повествования центральный образ романа — Сергея Ивановича Коростылева, полковника в отставке, прошедшего через всю войну. Это он чаще всего делится с нами мыслями об окружающем, простодушными на первый взгляд, но достаточно серьезными. И мы постепенно начинаем как бы его глазами видеть мир, проникаясь его ощущением добра и зла, правды и неправды.

Та глыба жизни, которую Анатолий Ананьев рассматривает то во множественных скрупулезных разрезах, то фронтально, как единую панораму, включает в себя самые различные слои нашего нынешнего общества. Мы узнаем здесь многих своих современников, типически обрисованных в том именно деле, каким и выражена их значимость, суть их человеческого существования, их сложные отношения.

Сталкивая тружеников и трутней, но доверяя читателю делать собственные выводы, Анатолий Ананьев в то же время остается нетерпим к той эгоистической, мещанской «элите», которая, несмотря на все свои потуги, ничего общего не имеет с подлинной советской интеллигенцией... Но вот поди же, приспособленческая эта публика все же встречена полковником. И где? В доме Дорогомилина, фронтового соратника Коростылева, его бывшего друга...

Анатолий Ананьев обрывает первую книгу романа в самом разгаре тяжких, драматических событий. И, конечно же, мы огорчены. Нам трудно, даже невозможно будет до появления новой книги забыть о герое романа А. Ананьева. Вместе с ним мы прошли большой отрезок пути по нелегкой дороге жизни, переживая при этом радость и горечь узнавания и самих себя и многих окружающих нас людей послевоенного времени.

Юлиан СЕМЕНОВ

ТРЕТЬЯ КАРТА

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

...Дмитро Михайленко, профессор-египтолог, в списках бандеровцев значился под номером 52.

Он не эвакуировался, потому что здешние дела мало интересовали его: он был обращен в прошлое, в эру Солнца, когда в Нильской долине фараон Аменхотеп держал на сильных своих руках новорожденного сына и ощущал, как греется под живительными лучами светила сморщенная кожица на лице младенца, приобретая тугой, глубинный цвет бронзы.

Михайленко размышлял об эре первой Реформации, и сухие щелчки выстрелов, перелязг танковых гусениц, пьяные песни солдат не волновали его — это все суета, это пройдет, это, как и жизнь человеческая, ненадолго...

Главное — оставить после себя идею. Пусть она достанется не тем, так этим. Появившись, она становится бессмертной, воплощая в себе бессмертие автора.

Он работал по пятнадцать часов, поднимаясь из-за стола, лишь когда затекали больные ноги; Михайленко писал страницу за страницей, чувствуя, что сейчас только и стало получаться по-настоящему, ибо то получается, что любимо, что стало твоим и чему ты себя отдал без остатка.

Слова опережали мысль, надо было успевать, надо было следовать за этой слитной неразрывностью идей и действа, образа и движения руки, в которой было зажато перо.

«Некогда дерзкие Фивы, возвысившись, возвысили своего бога — могучего Амона и фараона, сделавшегося святым человека, оказавшегося волею жрецов всемогущим,— писал он.— Под его знаменами шли колонны войск. С его изображениями в руках запыленные воины врывались в города азиатов, подвергая разграблению дома и лавки побежденных. Повергнутая к ногам египтян Азия была растоптана и унижена. Амон звал к продолжению агрессии, потому что она была угодна жрецам, получавшим дары и назначения на должности хранителей завоеванных областей. Но если бы воины бога Амона продолжали свой поход и дальше, столица оказалась бы лишь номинально столицей, власть царя постепенно деформировалась бы во власть царьков, а величие государства сменилось бы богатством и сытостью тех, кто думал о себе, но не о престиже дела.

Аменхотеп, воздвигавший громадные статуи могучего Амона, оставшись один, когда жрецы, сгибаясь в поклонах, уходили из его покоев, думал, как свергнуть того, кому он поклонялся на людях, в честь кого он строил храмы и произносил торжественные клятвы: великого свергают самые близкие, ощутившие горький вкус собственного величия. Аменхотеп понимал, что жрецы и военачальники, подползавшие к нему смиренно и рабски, лишь терпят его, подобно тому, как воин терпит тяжесть щита, защищающего от стрел противника.

Стратег и воин, Аменхотеп знал толк в политической борьбе: при поддержке жрецов, причем не всех, а наиболее молодых, тех, которые еще не были верховными, а лишь мечтали о том, чтобы верховными стать, он провел указ о строительстве собственной статуи.

— Я понимаю,— говорил фараон своим молодым помощникам,— что кое-кто из старцев может бросить в меня камень: придворные скульпторы предлагают сделать мою статую высотою в сорок локтей — в этом, конечно же, есть доля вызова традициям великого Амона. Но ведь не моя личность будет восславлена художниками, я слабый символ нашего государственного могущества, которое охраняет земледельцев, обогащает казну и возносит вас, моих советников и друзей.

Аменхотеп рассчитывал победить постепенно. После того, как статуя в его честь была высечена и установлена, он — опять-таки при поддержке молодых жрецов — хотел провести закон, по которому фараон отныне становится единственным сыном солнца Ра и выразителем его предначертаний. Эра Амона, таким образом, уходила в прошлое.

Молодые поняли: если это свершится, тогда они не смогут получать блага так, как они получали их ныне, используя глухие, скрытые разногласия между стариками, верховными, и фараоном, который тщится стать над ними всеми вкупе.

Законопроект не был проведен в жизнь. Возвращение к богу солнца Ра не получило устойчивого большинства в совете жрецов, ибо те понимали: признав Аменхотепа сыном Солнца, они сами будут обречены во всем следовать, в то время как они хотели, чтобы фараон следовал их, помазанников Амона, предначертаниям.

Государственные устремления фараона натолкнулись на личностные интересы жрецов. Аменхотеп внутренне хотел мира, понимал, что лишь это укрепит и его власть и страну. Жрецы, наоборот, хотели сражений, во время которых воины были их подданными, повиновались их молитвам и следовали их указаниям.

Постепенность хороша, если твои союзники имеют власть. Когда твои союзники борются за власть, действовать надо решительно, ибо узел надо разрубить — развязывая его, ты сам рискуешь оказаться разрубленным.

За несколько дней до своей таинственной гибели Аменхотеп был на торжественной службе в честь ненавистного ему бога Амона, которого он хотел свалить постепенно, исподволь, руками молодых жрецов.

Не смог. Свалили его.

Сын его, бронзовокожий, худенький, с тяжелой челюстью на длинном, губастом лице, Аменхотеп IV, не был поначалу страшен жрецам: слишком молод; плохой наездник; не любит церемоний, на которых они, его истинные владыки, обязаны оказывать ему знаки рабской преданности; сторонится застолий и женщин; проводит все время с громадноглазой женой Нефертити; ходит по городу в одежде воина, но не в дома военачальников и аристократов, а в пыльные мастерские скульпторов и художников, в маленькие лачуги беспутных поэтов, лишенных связей и богатства,— что ж такого бояться-то, такого славить надо и поклоняться ему, ибо знак остается знаком, пустым символом, он удобен, он в руках, его можно поворачивать, им можно управлять.

Так было полгода. Аменхотеп, сын Аменхотепа, нашел друзей не во дворцах аристократов или в храмах жрецов. Он привел в свою резиденцию единомышленников: художников с сильными мускулами, ибо они держали в руках молотки, которые тяжелее дротиков; поэтов, которые так яростно дрались друг с другом, доказывая преимущества своей рифмы не только словом, но и оплеухой, что плечи их были налиты неизрасходованной силой. Окружив себя этими людьми, которые казались жрецам неопасными, Аменхотеп провозгласил:

— Отныне наша земля будет жить по законам «Маат» — «Истины»! Она одна для всех, она от Солнца, а я единственный его пророк на Земле.

Военный переворот был невозможен: армия — по заветам Амона — оккупировала завоеванные области. Легионы, которые квартировали в столице, были составлены из братьев тех, кто теперь жил и спал вместе с фараоном в его резиденции: простолюдины сделались защитой фараона, его опорой.

Жрецы затаились. Те дискуссии, которые верховные провели с молодым сыном Солнца, оказались бесплодными.

— За попытку бунта я буду казнить,— сказал Аменхотеп, сын Аменхотепа.— Я не повторю ошибки отца. Ваше спасение в послушании.

Он приказал скульпторам изваять свое изображение, соотнося творчество с доктриной Истины. Его изваяли: нескладная фигура, простое, нецарственное лицо, слабый человек — совсем не фараон. Скульпторы не спали всю ночь — по прежним временам их должны были казнить за такое. Фараон осмотрел свое изваяние и бросил к ногам их кошель с золотом. Назавтра скульптура была выставлена на центральной площади Фив. Жрецы возроптали: фараон не может быть изображен слабым и тщедушным человеком. В храмах были оглашены послания верховных жрецов, которые называли свершившееся святотатством. Аменхотеп приказал арестовать двадцать старейших и казнил их у подножия своего изваяния. Старые храмы были закрыты повсеместно. Лик Амона был разрушен. Иероглифы с его именем вырубались: ведь если зачеркнуть имя, носивший его исчезнет, разве не так учили древние египтяне?! Все очень просто: надо спрятать, разрушить, зачеркнуть, приказать забыть — забудут.

Началась реформация.

Аменхотеп изменил свое имя — отныне он приказал именовать себя Эхнатоном, «Угодным Солнцу». Хватит бога Амона! Разве солнечный диск не выше и не значимей? Разве маленькие солнечные диски, которые опускаются у небосклона, и замирают, и смотрят на землю, не есть посланцы Неба, которому должны служить все? Разве он, принявший на руках отца солнечное помазание, не сын Солнца и слуга его?!

Эхнатон нагрузил караван судов: камень,

Продолжение. См. «Огонек» №№ 37—48.

рабы, молотки, художники,— и отправился по Нилу, и нашел место, и остановился там, и воздвиг новый город — «Небосклон Солнца», святой Ахетатон, и архитектура его была странной, возвышенной, солнечной, великой — архитектура Истины.

Реформация — это увлечение.

Эмиссары Эхнатона рыскали по стране, наблюдая за тем, как воины уничтожали старые, языческие храмы Амона. Сам фараон из своей новой столицы не выезжал: он работал наравне с инженерами, художниками и строителями. Донесения министров слушал рассеянно — если его новый город будет угоден Солнцу, слава и победа придут к народу сами по себе. Азиаты захватили Сирию, их корабли грабили побережье — фараон строил город Солнца. Он был увлечен настоящим, он ненавидел прошлое, но он не понимал, что будущее можно утвердить лишь в том случае, если дело его будут продолжать единомышленники, научившиеся управлять государством — не только строительству храмов. И он не верил, никому не верил: он помнил, как погиб отец от рук тех, кого он научил править и с кем делил тяготы правления.

Можно делить хлеб, нельзя делить власть. Когда Нефертити сказала, что друзья могут помочь хотя бы во время приемов послов, фараон изгнал ее, страдая и плача по ночам: дело требует фанатизма от того, кто верит в его святость. Тот, кто задумал, должен быть уверенным, что все вокруг — такие же рабы его замысла, как и он сам. Тюрьмы были переполнены узниками. Казни проходили и по ночам — времени Солнца не хватало, чтобы умерщвлять тех, кто верил старому, привычному богу.

Желание увидеть замысел воплощенным пожирающе. Фараон был словно один одетый среди голых, один знающий среди толпы темных. Он построил свой солнечный город на крови и ропоте, и город этот был чудом мира; но казнь не довод, вера не приходит из дворца, провозглашенная вооруженным воином,— вера рождается в беседе дружбы, в разговоре равных...»

Михайленко оторвался от рукописи, потому что услыхал какой-то шум и крик и понял, что кричит его жена; он хотел было отчитать домашних за то, что они ведут себя, как вандалы, но не успел даже повернуться, потому что бандеровцы схватили его за горло, заломили руки за спину, ударили по тонкой, пергаментной шее, поволокли по лестнице вниз, и Михайленко ничего не мог понять и все боялся, что забудет ту фразу, которая была в голове у него, а потом его втолкнули в машину, и бросили на заблеванное днище кузова, и наступили кованым сапогом на ухо, и он тогда только осознал, что идею свою всем отдавать нельзя — отдавать ее можно тому, кто вправе мыслить...

Его повесили через семь часов на балконе дома, где обосновался бандеровский штаб. Пахло цветущими липами, хотя время их цветения кончилось.

Тарас Маларчук вышел из операционной, сел на высокое кресло, скользкое оттого, что совсем недавно было покрашено какой-то особой эмалью, присланной из Киева, откинулся на спинку и заставил себя расслабиться: руки его, по локоть в крови, упали вдоль тела, он ощутил дрожь в ногах — пять операций подряд, в основном дети, осколочные ранения...

Он закрыл глаза и сразу же впал в странное небытие: сна не было, но он не слышал звуков окрест себя, далеких выстрелов, криков раненых, суетливой беготни сестер и врачей, тяжелой поступи военных санитаров, которые таскали носилки с трупами, громыхая тяжелыми, не успевшими еще пропылиться сапогами. Тарас Маларчук видел странные цвета — густо-черное соседствовало с кроваво-красным, все это заливалось медленным, желто-зеленым, гнойным; он стонал, и хирургическая сестра Оксана Тимофеевна, стоявшая рядом, не решалась тронуть его за плечо, хотя на столе уже лежал мальчик с бедром, разорванным осколком,— спасти вряд ли удастся, слишком велика потеря крови.

— Тарас Никитич,— шепнула она, когда крик мальчика сделался нестерпимым, пронзительным, предсмертным,— Тарас Никитич, миленький...

Маларчук поднялся рывком, будто и не погружался только что в липкое, гадостное забытье.

— Что? — спросил он, чувствуя гуд в голове.— Что, милая? Уже готов?

— Да. На столе.

— Наркоз?

— Да. Ждут вас...

Маларчук зашел в маленький кабинетик при операционной, сунул голову под струю ледяной воды и долго стоял, опершись своими длинными пальцами («Похожи на рахманиновские»,— говорили друзья) о холодную эмаль раковины. Он ждал, пока успокоятся молоточки в висках и прекратится медленная дрожь в лице: все те шесть дней (с начала войны), что ему пришлось прожить в клинике, оперируя круглосуточно, были, как кошмар и наваждение: ущипни, казалось, себя за щеку, и все кончится, все станет, как прежде, не будет этих выматывающих душу сирен воздушной тревоги, воплей раненых девочек, предсмертных, старческих хрипов мальчишек...

— Тарас Никитич,— услыхал он сквозь шум воды,— миленький.

— Иду...

Маларчук выключил воду, растер голову сухим, жестким вафельным полотенцем, которое пахло теплом, попросил хирургическую сестру приготовить порошок пирамидона с кофеином, запил лекарство крепким чаем и пошел в операционную.

Он осмотрел желтое лицо мальчика, страшную осколочную рану, разорванное бедро, раздробленные трубки костей («Сахарные,— странно усмехаясь, шутил профессор, когда Маларчук учился в институте,— разобьешь — не собрать и не слепить»). Маларчук почувствовал вдруг, что плачет: дети играют в войну, взрослые воюют, но погибают-то дети в первую очередь. Добрый разум ученого, который создал аэроплан, что есть шаг в преодолении времени и пространства, обернулся вандалом; разум как символ вандализма — что может быть противоестественнее? Разум, разбитый злой волей кайзеров, монархов, премьеров, фюреров, фельдмаршалов надвое: разум конструктора самолета, принужденного сделать его бомбовозом, и хирурга; архитектора, сделавшегося сапером, который не строит, а уничтожает, и библиотекаря, который хранит мудрость мира, делая ее доступной добрым и злым: каждый находит то, что ищет.

— Тарас Никитич...

— Скальпель,— сказал Маларчук,— вытрите мне глаза и не болтайте.

...В жизни каждого человека бывают такие минуты, когда он страстно и безраздельно желает противопоставить неправде истину. Видимо, это желание угодно той высшей логике, которая движет людскими поступками, влияя на развитие исторического процесса, подчиняя мелкое, корыстно-личное общему, высокому, нацеленному в будущее. Желание это становится выполнимым, если человек обладает не только знанием, но и высшим навыком своего ремесла. Мечтатель, лишенный умения, может оказаться лишь ферментом добра, и память о нем исчезнет с его исчезновением. Человек, подчинивший свою мечту делу, ремеслу, навыку, остается в памяти поколений навечно, как Леонардо, Фарадей, Менделеев, Эйнштейн и Туполев.

Маларчук сделал невозможное: он спас жизнь ребенку, и осталась последняя малость — сшить рану так, как это мог сделать лишь он один. Маларчук начал стягивать — жестким, казалось бы, движением сильной руки — концы раны, и в это время в операционную ворвались бандеровцы из «Нахтигаля».

— Вон отсюда!— хриплым голосом закричал Маларчук.— Кто пустил?!

Бандеровцы схватили его за шею — излюбленным своим, отрепетированным бандитским приемом, бросили на красно-белый кафельный пол и, пиная ногами, поволокли к выходу.

Маларчук, изловчившись, поднялся, ударил острыми костяшками длинных пальцев чье-то красное, пьяное, пляшущее смехом лицо, хотел было ударить следующего, но его стукнули автоматом по затылку, и он, повалившись, потерял сознание...

...В списке Миколы Лебедя хирург Тарас Маларчук, депутат областного Совета депутатов трудящихся, значился под номером 516. Поскольку Маларчук был украинцем, казнь его должна была состояться после заседания «тройки ОУН», которая была создана для судов над украинскими коммунистами и комсомольцами.

— У нас будет все по закону,— говорил Лебедь,— мы приговоры будем на меловой бумаге писать и протоколы допросов печатать на машинке — в назидание потомству...

...Маларчука ввели в темную комнату — окна забраны тяжелыми портьерами, дорогая, мягкая мебель, в камине полыхает огонь, хоть и так жарко — дышать нечем.

Три человека сидели за большим письменным столом, и Маларчуку показалось, что в этом кабинете совсем недавно все было разгромлено, а потом быстро, за несколько часов наведен порядок, но порядок новый: портреты Гитлера и Бандеры на стенах, бронзовые, дорогие, тяжелые часы на легком, семнадцатого века, столике, которые прежний хозяин никогда бы там не поставил; слишком маленький, женский чернильный прибор на громадном письменном столе — все это казалось случайным здесь и свидетельствовало о дурном вкусе тех, кто наводил порядок после хаоса.

— Ну что, Маларчук?— сказал тот, который сидел в кресле за столом.— Доигрался?

— Кто вы такие?

— Ты мне еще поспрашивай, поспрашивай,— сказал маленький, примостившийся слева от того, что был в центре,— ты отвечай, сучья харя, спрашивать мы здесь будем: председатель и его коллегия.

— Объясни нам, Маларчук, как ты, украинец, талантливый врач, смог предать Украину большевикам?— продолжал председатель.

— А как ваши сволочи могли убить мальчика на операционном столе? Украинского мальчика...

Маленький бандеровец вскочил со стула, подбежал к Маларчуку, замахнулся, но ударить не успел — полетел на пол: реакция у хирурга была моментальная.

Маленький заскреб ногтями кобуру, заматерился грязно, но председатель остановил его.

— Тарас,— сказал он особым, проникновенным голосом,— ты нравишься мне, Тарас. Я хочу спасти тебя. Я обращаюсь к тебе, как к обманутому. Сбрось пелену с глаз. Вспомни, сколько украинских интеллигентов, таких же, как ты, русский царь бросил в тюрьму и ссылку?

— А ты вспомни, сколько русских интеллигентов царь сгноил на каторге,— ответил Маларчук.— Посчитать? Или не надо?

— Ты ж говоришь со мной на украинском языке, Тарас. А наш язык русский царь запрещал изучать в школе, нас хотели оставить немыми, Тарас...

— А Победоносцев, который запрещал изучать русским русский, а предписывал зубрить церковнославянский? — Маларчук усмехнулся.— Ты со мной в теории не играй — проиграешь.

— Не проиграю,— убежденно сказал председатель и, обойдя стол, предложил Тарасу немецкую сигарету. Заметив усмешку хирурга, пояснил:— Скоро свои начнем выпускать, не думай... Ответь мне, Тарас: как мог ты служить москалям, когда они столько лет поганили нашу землю, топтали ее, как завоеватели?

— Не Москва пришла к нам, а мы пришли к Москве за помощью, Хмельницкий просил у Москвы защиты, когда и Швеция, и Крым, и Турция отказались помочь нам в борьбе против Польши. Это ж хрестоматия, председатель... Ты древностью не играй,— говорю же, проиграешь: ты Дорошенку вспомни, который отдал Украину турецкому султану, ты Выговского вспомни, который отдал Украину Польше, ты Мазепу не забудь, который отдал нас Карлу Шведскому, ты Петлюру не забывай, который передал нас всех скопом Пилсудскому... Ты Москву не трогай, председатель, без нее трудно было бы Украине, ох как трудно... Так что кончай спектакль, председатель, начинай уж лучше свои методы, я про них наслышан...

— Чекисты инструктировали?

— Это неважно, кто... Наши, во всяком случае.

— Ладно. Вот тебе перо и бумага, пиши текст и отправляйся домой, на тебе вон лица нет, отоспаться надо...

— Какой же текст мне писать?

— А вот какой: «Обманутый большевиками, московскими бандитами, принудившими меня стать членом их преступной партии, я заявляю, что ныне, когда Украина стала свободной, отдам все свои силы и знания на благо моей Державы».— Число и подпись.

— Не число, а дата,— поправил его Маларчук.— Председатель, ты языка нашего не знаешь... Написать я тебе могу вот что: «Был, есть и умру коммунистом. Да здравствует Советская Украинская Республика. Дата: 30 июня, подпись — хирург Маларчук, украинский большевик».

Тараса Маларчука утопили в ванне, здесь же, в квартире, где обосновалась бандеровская «тройка». Его жену Наталку сначала изнасиловали на глазах у детей, а потом закололи штыками. Дочку, пятилетнюю Марию, выбросили из окна, и она, подпрыгнув, словно мяч, осталась на асфальте маленьким комочком с льняными волосами, а сына, трехлетнего Михаила, застрелили из дамского браунинга, опробуя силу этого махонького пистолетика, купленного по случаю на краковской толкучке...

«ЧТО ЧЕЛОВЕКУ НАДО!»

...Трушницкий оглядел свой хор — музыкантов везли в обозе, следом за кухнями: серо-зеленые мундиры пропылились и казались вытащенными из старой рухляди. От того щегольского лоска, который был ночью двадцать первого июня, не осталось и следа.

Лица людей тоже казались пыльными, хотя всем предоставили комнаты для постоя, где можно было умыться и отдохнуть. Видимо, волнения этих дней наложили свой отпечаток: волнение либо красит человека, если это волнение открытое, радостное, свое; либо старит, накладывая отпечаток тревоги и ответственности, особенно когда все развивается стремительно, неуправляемо и неясно, куда повернет.

Трушницкий смотрел на своих музыкантов усталыми глазами, в которых медленно закипали слезы. Все они да и он сам мечтали войти сюда, на родину, по улицам, засыпанным цветами, в криках радости, в том шуме всеобщего веселья и освобожденности, в котором всегда слышится музыка, огромная музыка Вагнера или Глинки, но здесь, на Украине, на их Украине, музыки не было; встречала их тишина безлюдья днем, выстрелы украинских патриотов, ушедших в подполье в первые же часы оккупации, ночью.

А Глинка и вовсе теперь был запрещен,— русский.

Все его хористы и сам он мечтали, как выйдут они со своими песнями на улицы, но немецкий офицер в черном, который пришел к ним с адъютантом Романа Шухевича, строго приказал:

— Без нашего разрешения никаких публичных сборищ не устраивать. До нас дошли сведения, что вы собираетесь дать сегодня открытый концерт,— это недопустимо. Все ваши ноты я возьму с собой: тексты песен должны пройти военную цензуру.

Трушницкий тогда подумал, что самое страшное — это если маленькие гитлеры доводят человека до такого состояния, когда он вынужден оправдывать для самого себя идиотизм происходящего. А поскольку даже несвободному (как в условиях нацистского господства) человеку довольно трудно лгать себе, он должен придумать такую логику, чтобы она была убедительной и доказательной, а это трудно, очень трудно, ибо «второе я» не прощает «я первому» слабинки в доказательствах, и делается человек вроде змеи — верткий, хитрый, умный и — в самой глубине души — глубоко, безвозвратно нечестный, понимающий эту свою нечестность, а потому падший. Особенно это страшно для художника, думал Трушницкий, потому что он создает, а создание, покоящееся на зыбком фундаменте изначальной лжи, всегда страдает ущербностью, метанием и тем зловещим недостатком мыслей, которые обрекают человека на постоянное ощущение собственной второсортности — ненужности, говоря иначе...

— Ну что?— спросил Трушницкий коллег.— Начнем репетицию?

Хористы легиона собрались на площади Рынка, в доме Просвиты, в тесном и пыльном зале, с плохо вымытыми окнами, дребезжащими от лязгающих танковых проездов.

Кто-то сказал:

— Да уж и некогда. Через час будет собрание.

— Слова «Хорста Весселя» все помнят?

— Помним,— ответили хористы устало.

— Начинаем с «Хорста Весселя», очень приподнято, с силой,— негромко сказал Трушницкий,— а потом наш гимн... Да, да,— словно угадав возражения хористов, еще тише добавил Трушницкий:— Все понимаю, друзья. Но таково указание руководства: сначала немецкую песню, сначала немецкую.

— Тут пластинки взяли в трофее, есть академическая капелла из Киева... Может, послушаем?— предложил кто-то.

— А граммофон?— спросил Трушницкий.— И потом — репертуар каков?

— Классика,— ответил ведущий бас.— Украинская классика. А патефон достал Пилипенко.

Хористы собрались в тесный круг, завели патефон и поставили пластинку. Когда обязательное змеиное шипение кончилось и зазвучал спокойный бас Паторжинского, все сникли, словно бы стали меньше ростом.

Музыка кончилась, все долго молчали, а потом Трушницкий, жалко откашлявшись, сказал:

— Давайте-ка в качестве спевки «Аве Марию»...

Он устыдился своих слов «в качестве», но понял, что они рождены растерянностью и острым чувством своей одинокой ненужности, и, чтобы как-то подавить это безнадежное чувство свое, взмахнул рукой, приглашая музыкантов к работе...

И полились сладкие звуки вечной музыки. «Это память по детям пана Ладислава и старухе,— ужаснулся вдруг Трушницкий,— поэтому тянет меня к ней, по ночам ее слышу. Я ведь виновен во всем, один я,— признался, наконец, он себе, продолжая рождать рукою слитный хор голосов, возносивших любовь святой деве,— только я и никто другой. Господи, прости меня, во мне ведь не было дурного умысла, ведь я же только просьбу выполнил...»

Тонкий слух Трушницкого резко ударило — кто-то хлопнул дверью и, грубо топая сапогами, пошел по залу. Трушницкий обернулся: ему улыбался Лебедь — раскрасневшийся, молодой, в щегольском мундире.

— Послушайте, Трушницкий,— не обращая внимания на великую музыку, сказал он, и никто бы его не услышал — только музыкант может отличить среди сотни инструментов в оркестре неверный фа диез от фа бемоля, а уж резкий, высокий голос, столь противный духу и смыслу музыки этой — тем более.— Послушайте,— повторил Лебедь,— прервите репетицию, надо съездить в театр. Мы назначили вас главным режиссером. Или главным дирижером — что у вас считается важней?

Хористы — вразнобой, набегая друг на друга замиравшими тактами,— замолчали.

— Надо завтра дать спектакль,— продолжал Лебедь.— Наш. Национальный. Поехали. Пусть тут вместо вас кто-нибудь помахает.— И он засмеялся.

...Много ли надо хормейстеру? Только что казнился он, и плакал, и ненавидел Лебедя,— каждый норовит свою вину переложить на другого, на того, кто больше, а вот пришел он, Лебедь этот, и сказал про театр и про то, что он, Трушницкий, назначен главным режиссером, и уж не кажется лицо «идеолога» таким красным, сытым, самодовольным, и уж видятся хормейстеру молодые морщиночки под глазами, и допускает он мысль, что морщинки эти рождены страданием, таким же глубоким, каким видится Трушницкому его собственное страдание, и не понимает он, что разница между понятиями «страдание» и «неудобство» недоступна Лебедю и по-настоящему винить его в этом нельзя: каждому уготовано и отпущено только то, что отпущено и уготовано,— а что Лебедю, кроме бандитства и злобы, уготовано?

...В театре было сумрачно, тихо, торжественно: Трушницкий прикоснулся пальцами к тяжелому, цепучему бархату кресла, и вдруг дикая, забытая, мальчишеская, горделивая радость взметнулась в нем, и он услышал рев зрителей, и увидал себя — во фраке, за дирижерским пультом, со взмокшим лбом, в низком поклоне, и почувствовал он глаза музыкантов, их быстрые пальцы, легко державшие смычки, которыми они мерно ударяли по струнам,— оркестр только так выражает свой восторг и поклонение дирижеру.

Трушницкий всхлипнул, схватил горячую руку Лебедя своими холодными, длинными и быстрыми пальцами, сжал ее и прошептал тихо:

— Спасибо вам, милый! За все низкое вам спасибо!

Но когда он произнес это, перед глазами снова возникло лицо пана Ладислава, который жалко рвался к детям. Трушницкий напрягся весь, и отогнал это видение, и сказал себе, что это от диавола. Ведь только он, только диавол, часть выставляет впереди целого. Эта мысль родилась в нем мгновенно, и он так же мгновенно придумал стройную логическую формулу, по которой все ладно и разумно выстраивалось: страдание одного угодно господу во имя счастья тысяч. Страдание пана Ладислава, который дал ему, Трушницкому, кров, и поил на кухне самогоном, и оставлял от своего скромного ужина свеклу и ломоть хлеба, было по логике человека, получившего во владение театр, тот театр, что отныне будет принадлежать его искусству, угодно всевышнему. И ни при чем здесь он, Трушницкий,— он только выразитель воли, пришедший извне.

...А как же со слезинкой обиженного младенца, за которую можно и нужно весь мир отдать?

* * *

Член Союза советских писателей Тадеуш Бой-Желенский, в списках бандеровцев 777-й, не успел уехать из Львова, потому что его огромная библиотека, которую он подбирал более двадцати лет, работая над переводами Стендаля, Бальзака, Доде, Мериме, Диккенса, Теккерея, была еще не до конца упакована: никто не мог предположить, что немцы ворвутся во Львов через неделю после начала войны.

А библиотека стала частью самого Бой-Желенского, каждая книга была для него как любимый собеседник, добро открывающий свои сокровенные знания и чувства: он не мог оставить своих друзей — он не питал иллюзий по поводу того, что может случиться с книгами, когда придут нацисты.

Ночью тридцатого, поняв, что он не успеет собрать свою библиотеку и не сможет отправить ее в тыл, Бой ходил вдоль стеллажей, доставал книги, оглаживал их, словно котят, потом раскрывал страницы религиозным, легким, благоговейным движением, касался ласковым взглядом строк, впитывал их, находя в высокой мудрости знаний и чувств успокоение.

— Бедные друзья мои,— шептал он,— любимые мои, я не оставлю вас.

Глаза его натолкнулись на строку: «Родители передают детям не ум свой, а страсти». Бой улыбнулся, подумав, что друзья в отличие от родителей отдают другим свои мысли, а мысли выше страсти: отдать мысль может лишь тот, кто свое «я» считает принадлежностью мира и думает не о себе — обо всех.

Он начал доставать книги, шептать вслух страницы, называть номер строки и читать фразы: раньше он так гадал себе по библии. Он помнил пять таких гаданий, в самые трудные дни его жизни: «Что город, разрушенный без стен, то человек, не владеющий духом своим»; «Не отвечай глупому по глупости его, чтобы он не стал мудрецом в глазах своих»; «Лучше открытое обличенье, чем скрытая любовь»; «И нет власти... над днем смерти, и нет избавления в этой борьбе, и не спасет нечестие нечестивого»; «И обратился я, и видел под солнцем, что не проворным достается успешный бег, не храбрым — победа, не мудрым — хлеб, и не у разумных — богатство, и не искусным — благорасположение, но время и случай для всех их. Ибо человек не знает своего времени. Как рыбы попадаются в пагубную сеть и как птицы запутываются в силках, так сыны человеческие уловляются в бедственное время, когда оно неожиданно находит на них».

Бой начал снимать книги одну за другой, и, закрыв глаза, шептал номер страницы, строку, и открывал, и строки были странными, несвязными, но в этой странной несвязности он чувствовал ту тревогу, которую испытывали его друзья; они словно бы молили его: «Беги, спасись, мы не ропщем. Мы знали целые века безумий и крови — мы пережили это. Мы пережили это оттого, что люди, создавшие нас, смотрели поверх барьеров времени, они думали о конечной правде, а не о минуте несправедливости. Уйди, и ты вернешься; оставшись, погибнешь».

Бой ходил вдоль стеллажей, на которых стояли его старые друзья, и качал головой, словно бы отвечая им: «Я знаю, что ваши слова искренни, но когда я уйду, в сердца ваши придет разочарование: часто мы говорим только для того, чтобы услышать возражение, мы ждем несогласия, а ведь согласиться всегда легче. Когда раненый боец просит друга уйти, чтобы тот мог спастись, он искренен в своей просьбе, но как же он бывает благодарен, если друг не уходит, и остается с ним, и встречает гибель вместе. Умирать страшно одному, на миру смерть красна, на миру легче отдать себя, ибо ты веришь, что это запомнят другие и память о тебе останется, значит, останешься и ты, смертью смерть поправ».

Бой-Желенский часто думал, как условен был тот мир, в котором он начал свою жизнь. Со многими людьми сводила его судьба; переводы западноевропейской классики на польский язык снискали ему известность; его исследования о Мицкевиче и Пушкине вызвали яростные споры в Польше: одни считали эти работы новым словом в литературной критике, другие не оставляли камня на камне, обвиняя писателя в предательстве «национальных интересов»; его антиклерикальная публицистика была, как бомба, а известные слова: «патриотизм — последнее прибежище негодяев», повторенные Бой-Желенским в разгар террора пилсудчиков, когда пылали хаты украинских крестьян на Галичине, сделали его имя символом мужества и честности для коммунистов и «гнусной измены» для черносотенцев. Условность и странность того мира, который обступил Бой-Желенского душной толпой издателей, цензоров, кредиторов, оппонентов, редакторов, должников, журналистов, сановно-шляхетских «ценителей», критиков, агентов полиции, поклонниц, завистников, казалась ему, чем дальше, все более зловещей и безысходной. Он, когда только начинал, думал остаться навсегда свободным в своих мнениях, привязанностях, в манерах. Но нет, чем большей становилась его известность, тем меньше оставалось ему свободы, тем больше он делался рабом представлений, составленных о нем людьми. Огромная мера ответственности, которая обычно отличает истинного писателя, ранимость, желание сделать добро всем, кому только можно, подвигали его на то, чтобы не только быть тем, кем он был, но и казаться таким, ибо люди не умеют распознавать истину вне ее хрестоматийного проявления, удобного и понятного для каждого. Мораль, созданная людьми безнравственными, мораль банкира, воеводы, ксендза, требовала от высоконравственного Бой-Желенского соблюдения условностей, позволяя ему, таким образом, внутренне оставаться моральным. Ему не нужно было это и грязно, он не искал себе снисхождений, а судил каждый свой поступок судом чести. Условность мира капитала, в котором он жил, однако, не позволяла ему назвать подлеца подлецом, потому что сто других людей не знали, что подлец и есть подлец на самом деле. В их глазах, назови Бой подлеца подлецом, он немедленно становится «зазнавшимся мэтром». Он не мог расторгнуть договор со старым издателем, который многие годы обворовывал его, потому что все расценили бы это как «рвачество и алчность». Он не мог расстаться с женщиной, которую разлюбил, потому лишь, что люди, читатели, могли посчитать его прелюбодеем, а какая вера прелюбодею? Был бы он хирургом, финансистом, актером — ему бы простилось, многое бы простилось, но он был вооружен Словом, которое всегда есть Закон, ибо с него все начинается и все кончается им.

Бой постепенно все дальше и дальше отходил от встреч, пресс-конференций, торжественных застолий, щедро оплаченных банковскими меценатами, велеречивых дискуссий, официальных завтраков,— он искал себя и находил себя, ощущая свободным, в кругу молчаливых друзей-книг. Он давал им вторую жизнь, занимаясь переводом, он знакомил далеких, умерших писателей с миллионами новых товарищей, верных и благодарных,— он отдавал их в руки читателей, а сам оставался в тени, и постепенно вновь обрел самого себя, и ощутил прежнюю, утерянную было свободу. Одно время он был на грани внутреннего краха: люди, казавшиеся друзьями, гостили у него, радовались его радостям, горевали в его горестях, но они уходили в свои дома, когда наступало время уходить; считается ведь, что воспитанному человеку нельзя засиживаться допоздна, а он просил их задержаться; они же думали, что он просит их задержаться из приличия, а кто и понимал, что не из приличия Бой просит об этом, все равно уходили, потому что мир, словно соты, составлен из ячеек, каждая из которых живет своим, но подчиняется одной, общей для всех морали: дома была жена, которая волновалась, мать, которая хворала, дети, которые ждали.

— Я-то не уйду, мои любимые,— тихо сказал Бой-Желенский, оглаживая корешки книг,— куда мне от вас уходить?

...Трагизм творчества в условиях буржуазного общества, с его одиночеством и разобщенностью, он ощутил, когда к нему пришла слава. В том обществе, где труд не стал творчеством, счастьем, призванием, обычные люди, которым не дано создавать Словом, Нотой или Резцом, живут унылой, мелкой жизнью, в них нет постоянного разрыва между испепеляющим, высоким ожиданием начала творчества и застольем, смехом детей, ворчанием (поцелуем) жены, ссорой с соседом (инженером, врачом, пахарем, сапожником). Честно проработанный день с его заботами и личностными волнениями отходит и забывается, когда человек переступает порог дома, ибо здесь он находит отвлечение от забот и трудов. А творец, если он служит передовой идее добра, ждет и жаждет, все время жаж-

дет и ждет,— когда ласкает сына или завтракает с женой, слушает граммофон или зашнуровывает ботинок, стоит на тяге или окапывает куст черной смородины. Это тяжело для него; еще больше для окружающих. Такого человека могут вынести лишь тот или та, которые смогли понять высшую сладость жертвы во имя торжества всеобщей, то бишь социальной справедливости, а так уж ли много людей, способных понять это? Прозрение дано единицам — обычное зрение отпущено всем.

Бой-Желенский услыхал протяжный звонок в передней, подивился тому, кто бы мог прийти к нему ночью, и, поставив на место томик Мериме, пошел открывать дверь. Он никогда не спрашивал, кто пришел к нему, потому что наведывало его множество людей, особенно часто заглядывали студенты, располагались у стеллажей и читали, читали, читали, а он был счастлив, глядя на сообщество друзей-единомышленников, которым было хорошо здесь: ему становилось еще лучше, чем им, ибо он воочию ощущал свою нужность.

Бой открыл дверь. На пороге стояли люди в немецкой форме, с оуновскими трезубцами. Один из них — потому, верно, что Бой открыл дверь, не спрашивая, кто пришел и зачем,— сказал невпопад:

— Как у вас с водопроводом? Трубы на кухне, кажись, текут...

Бой все понял сразу: он знал, что, когда приходят, обычно представляются водопроводчиками или газовщиками. Он горько усмехнулся, почувствовал свою высокую правоту перед друзьями, которых он не оставил в беде.

Тот, что показался ему самым длинным, словно связанным из канатов, оттолкнул низкорослого плечом, вошел в прихожую, схватил Бой-Желенского за воротник рубахи, приблизил к себе и белыми, истеричными, сухими, истрескавшимися, сивушными губами прошептал:

— Ну, собака, гад, нелюдь, ну, кончилось твое время!

Потом он отшвырнул Бой-Желенского, и тот упал, а жилистый начал бить его ногами. Он бил его ногами, как мяч, и когда Бой ударился о стеллаж и локтем разбил стекло, тогда только закричал:

— Книги, осторожней же, книги!

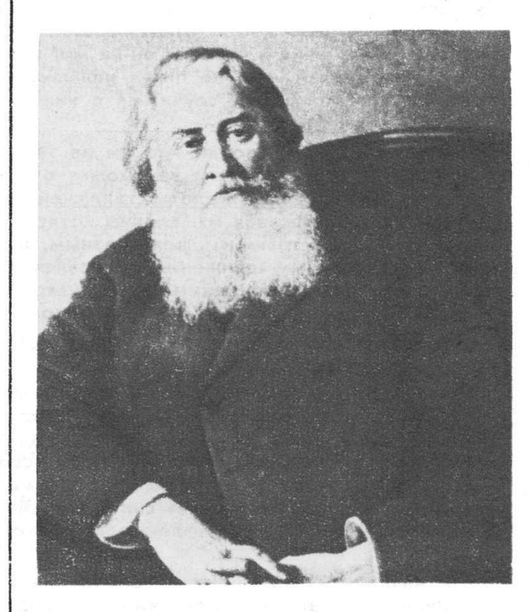
Нельзя называть свое горе или любовь по имени. Никому нельзя показывать свою боль, а уж палачу — особенно. Палачи быстро понимают, где она, боль человеческая. Жилистый ударил по стеллажам прикладом автомата, молочное, игристое, сверкающее, темное стекло обрушилось на пол. Маленький, пыльный человек вывалил книги на пол и стал бить их ногами, как только что жилистый бил Боя. И Бой понял, что ничего страшнее того, что свершается сейчас, уже не будет, и слова больше не произнес, и когда его пытали в мрачном доме «бурсы Абрагамовичей», и когда Лебедь прижигал ему губы горящей сигаретой, и когда его лицо опускали в грязный унитаз, и когда вели на Кадетскую гору, и когда грянул залп и пули разорвали грудь, тогда он даже облегчение испытал: «Слава богу, кончилось»...

А для других начиналось только...

Два года назад всех профессоров Ягеллонского университета гитлеровцы арестовали, бросили в концлагеря и расстреляли в первые месяцы оккупации Кракова. В мире поднялась волна протеста, это мешало дипломатам фюрера в Вашингтоне, Стокгольме и Берне, надоедливо мешало. Здесь решили сделать все быстро, сразу, как в хирургической камере. Только теперь уж не руками своих «хирургов», а руками бандеровцев: на них при случае свалить можно будет вину, на ошибках, как говорится, учатся.

В течение двенадцати часов бандеровцы и гитлеровцы расстреляли, повесили и забили насмерть тысячи украинцев, поляков, русских, евреев и цыган. В городе слышалась пальба, крики; пахло кровью и дымом — пришло «освобождение».

Продолжение следует.

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. Н. ПЛЕЩЕЕВА

«ВПЕРЕД! БЕЗ СТРАХА И СОМНЕНЬЯ...»

Н. СКАТОВ, доктор филологических наук

Судьба русских поэтов часто была такова, что даже самыми скромными произносилось вдруг слово, которое звучало затем десятки лет как всеохватное заклинание и призыв.

Вперед! без страха и сомненья
На подвиг доблестный, друзья!
Зарю святого искупленья
Уж в небесах завидел я!

Это воскликнул более ста лет назад Плещеев. За древним родом Плещеевых считались и крупный государственный деятель петровских времен, и известный писатель конца XVIII века, и знаменитый в пору борьбы с татарами Алексий, митрополит московский, даже причисленный церковью к лику святых. В 1849 году молодой поэт Алексей Плещеев был судом царского правительства официально «причислен к лику» революционеров и в ряду других петрашевцев стоял на Семеновском плацу в Петербурге, ожидая смертной казни.

Алексей Николаевич Плещеев родился 22 ноября 1825 года в Костроме. В 1839 году он по настоянию матери поступил в Петербургскую школу гвардейских подпрапорщиков, из которой, не испытывая ни малейшего расположения к военной службе, вскоре ушел, после чего некоторое время учился на восточном факультете Петербургского университета. В эти же годы появляются в печати его стихи, а в 1846 году выходит первый поэтический сборник Плещеева.

Многие мотивы делают героя плещеевской лирики довольно типичным героем русских сороковых годов, так хорошо нам известным из романов и повестей Тургенева: неприятие действительности, рожденные им неудовлетворенность, рефлектирующее сознание, острая тоска. Но вместе с тем всю лирику поэта проникает вера в человека. Характерен эпиграф у Плещеева из любимого им Барбье: «Поэт должен быть высшим борцом за право и человечность».

Эта вера в человека и человечность не была у Плещеева лишь отвлеченным прекраснодушием одинокого мечтателя. Она рождалась в среде людей, исповедовавших социалистические идеалы и мужественно вставших на путь их пропаганды. В кружке М. В. Буташевича-Петрашевского Плещеев был не только энергичным участником: Плещеев стал его поэтом. Лучшие плещеевские стихи сделались как бы лозунгами, своеобразными гимнами одного из самых замечательных политических и литературных объединений прошлого века, выражением его веры в других и уверенности в себе. И такой эмоциональный накал, такое самозабвение несли его лучшие стихи, что их мало было просто читать, только декламировать. Стихи становились песнями. Одной из самых популярных стало:

По чувствам братья мы с тобой,
Мы в искупленье верим оба,
И будем мы питать до гроба
Вражду к бичам страны родной...

«За Плещеевым,— писал поэт-революционер М. Л. Михайлов,— осталась одна сила — сила призыва к честному служению обществу и ближним». Но Плещеев жил не только поэзией-призывом, но и жизнью-примером.

Когда кружок петрашевцев был разгромлен, Плещеев вместе с другими его участниками прошел через все испытания. Смертную казнь им, над которыми уже был произнесен приговор, заменили другими видами тяжких наказаний. Двадцатичетырехлетнего Плещеева, лишенного всех прав состояния, сослали рядовым в Отдельный Оренбургский корпус. Около десяти лет провел поэт в ссылке: солдат, унтер-офицер, наконец, прапорщик, сразу увольняющийся с военной службы. Лишь со второй половины 50-х годов возобновляется его литературная работа. По возвращении из ссылки он отдается ей полностью: повести и рецензии, переводы и критические статьи — малообеспеченная жизнь профессионального литератора-труженика сначала в Москве, а затем в Петербурге. И жизнь и работа Плещеева были теснейшим образом связаны с передовыми журналами — «Современником» и «Отечественными записками», секретарем редакций которых он был.

Ум, совесть, любовь к ближнему — «есть много самых обыкновенных понятий, врожденных человеку чувств, о которых тем не менее надо беспрестанно напоминать, чтобы они не забывались»,— писал тот же Михайлов в связи со стихами Плещеева, чей искренний голос он называл заступающимся «за лучшую часть нашей природы, до сих пор мало торжествовавшую». Не потому ли Плещееву дано было написать столько стихов для детей: наивные и бесхитростные, они многие годы входили в книги и хрестоматии для детского чтения. А в кругу друзей и знакомых уже старого поэта звали padre — отче, батюшка.

Влияние Плещеева было велико и вряд ли может быть измерено только литературой. Гонимый в молодости и бедствовавший в зрелые годы, Плещеев воспитал и сохранил в себе редкий талант человечности, терпимости и доброжелательности. Современники вспоминают, что стоило Плещееву во время студенческих благотворительных вечеров появиться на эстраде, как зал грохотал от рукоплесканий и сразу же раздавались голоса: «Вперед!»

Писали даже, что сама жизнь Плещеева есть одна из его лучших и самых высоких поэм. Ведь жизнью своею он свидетельствовал, оправдывал и подтверждал свое слово:

«Вперед! без страха и сомненья...»

Эдгар Дега. 1834—1917. БАЛЕТНЫЙ КЛАСС.

Музей Метрополитен. Нью-Йорк.

Джон Констебл. 1776—1837. СОБОР В СОЛСБЕРИ. Около 1826.

Музей Метрополитен. Нью-Йорк.

Николай ЕЛИН,
Владимир КАШАЕВ

Юмористические рассказы

НУЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Писатель-сатирик Петр Сергеевич Мельников сидел за машинкой и создавал новый рассказ. Получалось, кажется, ничего. Петр Сергеевич перечитал написанное, потер руки и снова с увлечением принялся за работу.

Раздался телефонный звонок. Мельников поморщился и снял трубку. Звонила с работы жена.

— Знаешь, Петя,— сказала она ласково,— мы провожаем на пенсию Владислава Николаевича, нашего бухгалтера.

— Ну и что?— недовольно спросил Мельников, предчувствуя недоброе.

— Ему надо адрес преподнести.

— Пожалуйста, преподносите...

— Да, но его сначала надо сочинить, а у нас что-то не получается. Ты нам не поможешь?..

— Нет, нет, никак не могу, у меня срочная работа,— ответил сухо Петр Сергеевич.— Ну нельзя же так, в самом деле. На прошлой неделе я тебе доклад писал, позавчера — какую-то объяснительную записку, вчера...

— Ну и не надо,— сказала жена и повесила трубку.

Мельников снова принялся за работу. Через десять минут телефон зазвонил опять.

— Слушай, Петя, ну в последний раз напиши. Ты понимаешь, у тебя ведь это быстро получается, а мы тут мучаемся. Ну, пожалуйста... Вот я передаю трубку нашему председателю месткома, он тебя попросит от имени коллектива...

Петр Сергеевич вздохнул и отложил рассказ в сторону. Минут двадцать он сочинял адрес, потом продиктовал его текст жене по телефону и вновь сел за машинку. Собрав разбежавшиеся по разным закоулкам головы мысли, он энергично принялся за дело. Правда, вдохновения несколько поубавилось и над очередной фразой он думал минут сорок. Наконец фраза родилась.

Он уже напечатал первые два слова, но в этот момент в комнату вошла мать.

— Петя, что мне написать Ольге Степановне?

Мельников молчал и лихорадочно пытался дописать фразу.

— Петя,— укоризненно произнесла мать.

— Что?— недовольно откликнулся сын.— Какой Ольге Степановне?

— Как какой? Из Севастополя. Она мне всегда такие теплые письма пишет и такие остроумные. А я ей не знаю, что бы такое написать. Придумай мне что-нибудь...

— Мама, но у меня же работа...— умоляюще протянул Мельников.

— Ты только мне скажи, и все. И дальше работай. Я сама напишу. А то я ей уже целый месяц не писала.

Петр Сергеевич прикусил губу и стал сочинять письмо Ольге Степановне.

Через полчаса он наконец вернулся к работе и дописал прерванную фразу до конца. Правда, она получилась корявой и нескладной. Подумав, Мельников зачеркнул ее и принялся за новую. Левая бровь писателя нервно подергивалась.

Еще раз зазвонил телефон. Петр Сергеевич крепился очень долго, но на двенадцатом звонке не выдержал и снял трубку.

— Привет,— обрадованно закричал приятель,— чего это тебя давно не слышно? Где пропадаешь?!

— Да вот рассказ пишу,— сдержанно сообщил Мельников.— Никак закончить не могу.

— Это оттого, что устал, наверно. Ты отвлекись немножко, отдохни, и дело лучше пойдет. Кстати, стишок пока напиши, для собственного развлечения...

— Какой еще стишок?— побледнел сатирик. Ему стало нехорошо.

— Детский. Понимаешь, иду сегодня на день рождения к племяннице, ну и хочу сюрприз ей сделать. Ты сочини что-нибудь...

— Слушай... я же не детский поэт. Я не сумею... и вообще...

— Да ну, пустяки! Напиши там, дескать, поздравляю, учись хорошенько, папу с мамой слушай. Да что мне тебя учить, ты же писатель. Я бы сам написал, но это много времени займет, а мне сейчас некогда ужасно!

— Ты извини, но... мне тоже очень некогда. Рассказ надо закончить. Я должен завтра утром его сдать в редакцию...

— Успеешь, до утра еще много времени!

— А может, я тебе завтра напишу, а?— с последней надеждой спросил Мельников.

— Да брось ты кокетничать!— обиделся приятель.— Уговариваешь его, уговариваешь... Мне же сегодня на день рождения идти, а не завтра!

Петр Сергеевич положил трубку и, выпив валерьянки, занялся стишком. В голове царил полный сумбур. Пальцы мелко дрожали.

...Когда писатель вновь приступил к рассказу, он с удивлением поймал себя на мысли, что невольно рифмует слова.

Едва Мельников «разрифмовал» последнее предложение, в квартиру позвонили.

— Вызывали? Я слесарь-водопроводчик.

— Да, да, пожалуйста. Кран у нас что-то подтекает.

— Посмотрим, посмотрим... Ах, вот оно что! Ну, тут и работы-то всего два раза ключом повернуть. Сами вы, видать, по технической части будете?

— Нет, по литературной,— сказал Мельников.

— По литературной?! Вот повезло! Товарищ литератор! У меня к вам просьба. Заметочку в стенгазету вместо меня не напишете? О состоянии сантехники... А я вас в курс дела быстренько введу.

Перед глазами у Петра Сергеевича все поплыло. Он ухватился за дверной косяк и медленно съехал вниз.

...Когда вернулось к нему сознание, он увидел, что лежит на диване, а рядом сидит доктор.

— Ничего страшного,— успокаивающе сказал врач,— просто переутомились, нервы немножко расшатались. Вам нужен покой. Чтоб никто вас не дергал. А пока я вам больничный выпишу. Вы где работаете?

— Писатель я, доктор...— простонал Мельников. Он хотел рассказать этому милому, всей душой сочувствующему ему доктору, как его замучили все своими просьбами, но доктор перебил:

— Писатель, говорите? Хм... Извините, вы знаете, о чем я вас попрошу... Понимаете, умер у меня дальний родственник, завтра панихида будет. Надо и мне там сказать что-нибудь, а я говорить не мастер... Так вы... как бы это сказать... набросайте мне, пожалуйста, текстик...

Писатель-сатирик чуть слышно икнул, закрыл глаза и снова потерял сознание...

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ МЕТОДИКА

Футболом сейчас все увлекаются, от мала до велика. У моего приятеля сынишка есть, крохотный совсем, только еще на горшок ходить учится, так первое его слово было не «мама», а «Динамо» (видимо, имел в виду киевское «Динамо»). А уж о школьниках и говорить нечего. Любой второгодник вам скажет, что футбол на трех китах держится: техника, тактика, физическая подготовка. Я сам до недавнего времени так же думал, пока не вышел тот случай с нашим центральным нападающим Владиком Замковым. Уж на что футболист хорош — и техничный, и выносливый, и в тактике собаку съел. Да не какую-нибудь там дворняжку, а целого волкодава.

И вот этот Владик Замков вдруг голы забивать перестал. Раньше забивал, и помногу, а теперь перестал. Как говорится, агрессивность потерял. Стал миролюбив излишне. Как с ним тренер ни бился, ничего не мог поделать. Уж и на собрании команды товарищи его прорабатывали, и по-дружески за бутылкой нарзана беседовали, и путевку бесплатную в санаторий давали, а все без толку.

Ну, собрались его отчислять. Тренер и говорит:

— Погодите, давайте последний шанс испробуем. Есть у меня знакомый врач-психолог, попробую его пригласить. Вдруг поможет.

Дня через два приходит в команду этот самый психолог.

— Ну,— спрашивает,— где тут ваш пацифист?

— А он только недавно домой ушел,— отвечает тренер.— У нас полчаса назад тренировка кончилась, и все разошлись.

— Жаль,— качает головой психолог,— хотелось бы с ним поговорить. Ну, что ж делать? Расскажите хоть вы мне, отчего это с ним произошло? Может, он тренируется недостаточно?

— Да нет, тренируется на совесть. Приходит раньше всех, уходит последним...

— А может, он режим... того... нарушает?

— Ни-ни,— замахал руками тренер,— ничего похожего! За это я ручаюсь.

— Тогда, может, в семье у него неблагополучно?

— Какое там неблагополучно! Живут с женой душа в душу. Они, по-моему, за все время и не поругались-то ни разу!

— Ни разу? — с сомнением переспросил психолог.— М-да, интересный случай. А все-таки мне бы хотелось побывать у него дома.

— Пойдемте хоть сейчас. Они люди приветливые, всегда будут рады.

— Нет,— говорит психолог,— если позволите, я один. И не сегодня, а в другой раз. У меня своя методика, индивидуальная...

— Ну, раз методика, то конечно,— соглашается тренер.— Вам виднее. Записывайте адрес...

Записал психолог адрес Замкова, телефон, пожелал тренеру новых побед и ушел.

Проходит неделя, от психолога ни слуху ни духу.

«Эх,— думает тренер,— подвел меня этот специалист. Хоть бы завтра опять с сухим счетом не проиграть...»

На эту игру он Замкова вообще хотел не выпускать, да тот его еле-еле упросил. Вышел Владик на поле и на первой же минуте гол забил. Потом еще один. А к концу матча и третий. Мы все рты пораскрывали. На радостях опрокидываем Замкова на землю, наваливаемся на него, целуем.

— Что это с тобой?— спрашиваем.

— Ничего особенного,— отвечает.— Пустите, а то из меня весь воздух насовсем выйдет.

Освободили мы его, но интересуемся, о чем с ним психолог беседовал.

— Какой еще психолог? — удивляется Владик.— Не знаю я никакого психолога. И вообще отстаньте от меня, мне домой надо!

...В следующей игре забил Замков пять мячей. Потом еще четыре. Куда только его миролюбие девалось? Агрессивен в каждом матче до крайности. Я бы даже сказал, яростен. В общем, к концу сезона стала наша команда на медали реально претендовать. Может, и получила бы, да случайность все погубила. Приходит както Замков домой после очередной игры и слышит из прихожей, как его жена с кем-то по телефону разговаривает.

— Да,— говорит,— доктор... Слушаю вас... Сколько Владик забил сегодня?.. Пять мячей!.. Ну, что вы, неужели это только моя заслуга? Это ведь ваша методика... Что?.. Есть так держать!.. Не хотелось бы, конечно, но что же делать?.. Я понимаю, что это нужно для возбуждения агрессивности... Ладно... Ладно... Когда у него очередная игра?.. В пятницу?.. Хорошо, в четверг опять устрою Владику скандал!

...Медалей мы в тот год так и не получили. Но зато я с тех пор твердо знаю: и тактика в футболе важна, и техника, и атлетизм. Однако важнее всего — индивидуальная методика подготовки.

ИГОРЬ ГОРБА

Юрий ЗУБКОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Про него едва ли не по сию пору говорят: родился в рубашке... Одни его художнической судьбой искренне восхищаются. Другие ей откровенно завидуют. Из истории театра мы знаем, что молодой Москвин, до того неизвестный провинциальный актер, сыграв в вечер открытия Московского Художественного театра царя Федора, на следующее утро проснулся знаменитым. Но такого история, пожалуй, еще не знала: на следующее утро после спектакля проснулся знаменитым не профессиональный актер, а любитель, студент философского факультета Ленинградского университета, блистательно сыгравший Хлестакова в гоголевском «Ревизоре». Через короткий срок об этом Хлестакове заговорила буквально вся страна. А затем студента-любителя пригласили сниматься в этой роли в кино, где он свободно вписался в ансамбль опытнейших профессиональных актеров, по праву большого таланта став одним из лидеров этого ансамбля.

Переход на актерский факультет Ленинградского театрального института имени А. Н. Островского был естественным развитием этих событий. Но еще студентом вступает будущий актер в труппу Большого драматического театра имени М. Горького. А затем, все еще не получив диплома о высшем специальном образовании, становится партнером Н. Симонова, В. Честнокова, А. Борисова, Ю. Толубеева, приняв приглашение войти в труппу прославленного Театра имени А. С. Пушкина.

И вот уже четверть века встречают зрители на сценических подмостках, на экранах кино и на голубом экране, на концертной эстраде, а нередко в заводском клубе или на импровизированной сценической площадке в цеху Игоря Горбачева, всегда, что бы он ни играл, на редкость обаятельного.

Вероятно, только необычайной творческой жадностью и интенсивностью можно объяснить такой парадоксальный факт: диплом о высшем театральном образовании Горбачев получал... имея звание заслуженного артиста РСФСР, в 1957 году и уже имея своих учеников. И разве не о стремительном творческом взлете, не утрачивающем с годами силы и напряжения, говорит и такой факт: в конце 1967 года Горбачев, как явствует из дополнительного тома «Театральной энциклопедии» (в основной, первый, он не успел попасть!),— заслуженный артист республики, а менее чем через шесть лет становится уже народным артистом СССР.

Однако это только на первый взгляд — родился в рубашке. Талант, конечно, дан Горбачеву природой... Но как бы ни складывалась счастливо его творческая судьба, весь путь Игоря Олеговича в искусстве — это не прекращающееся ни на один день преодоление трудностей, постоянный поиск нового, пытливая работа мысли.

Случилось так, что до студенческой постановки «Ревизора» Горбачев пьесу Гоголя на сцене не видел и не был обременен никакими готовыми представлениями об образе Хлестакова. В этом, естественно, был свой плюс. Но была и огромная трудность — трудность вот этого, именно самостоятельного поиска, который не всегда по плечу не только любителю, но и многим профессионалам. И главное, что предстояло Горбачеву преодолеть,— так это сложившееся представление о Хлестакове у сотен и тысяч зрителей, многие из которых помнили в этой роли и Михаила Чехова, и Игоря Ильинского, и Степана Кузнецова...

Горбачев сыграл Хлестакова по-своему. Не фата, не авантюриста, не дельца... Своего ровесника. Молоденького петербургского чиновника, нахватавшегося верхов, внешнего лоску. Человека наивного, по-гоголевски «без царя в голове», предельно верящего всему тому, что сам говорит. Герой Горбачева, словно бы выполняя заказ окружающих его провинциальных чиновников, в благодарность за обед доставлял им удовольствие. Этот Хлестаков искал забав и удовольствий, радостно проказничал и озорничал и, видя, что окружающим страшно нравится его вранье, что они чувствуют себя как бы приобщенными к петербургской светской жизни, охотно шел им навстречу, ублаготворял их. Герой Горбачева как бы концентрировал в себе нравы, вкусы, представления всей чиновничьей России николаевских времен...

Все это было результатом не счастливого попадания в роль, не некоего наития свыше, а огромного труда, нелегких размышлений, многократных проб, выработанной в студенческие годы постоянной привычки к анализу и обобщению.

Существует мнение, что участие в самодеятельности пагубно для будущего актера — вырабатываются, мол, и закрепляются определенные навыки и приемы, преодолевать которые затем в театральном училище или институте бывает очень трудно. Порой из-за этого участникам самодеятельности бывает гораздо труднее попасть в театральный институт, чем неопытному, «необстрелянному» юнцу. Горбачев многим обязан художественной самодеятельности, в которой участвовал чуть ли не с первого класса. С огромным уважением произносит он имя Евгении Владимировны Карповой, руководившей университетским театральным коллективом и ставившей «Ревизора».

— Пусть подавляющее большинство учеников Карповой,— говорит он,— не стало актерами. Люди разных профессий, сквозь годы и десятилетия несут они в себе любовь к искусству, передавая ее окружающим.

Имя Евгении Владимировны Горбачев называет в одном ряду с именами своих институтских наставников — Августы Иосифовны Авербух и Леонида Федоровича Макарьева.

— После Карповой,— продолжает Игорь Олегович,— Макарьев дал мне особенно много. Он был не просто репетитором. Он был философом, идеологом в искусстве. Постоянно мыслил большими категориями. Понимал театр как драматическую науку. Главным в работе с актером были для Леонида Федоровича действенное начало и учение о сверхзадаче.

Кроме Хлестакова, которого он играл в постановке «Ревизора», осуществленной Театром имени А. С. Пушкина, Горбачев создал ряд других образов в классическом репертуаре — дона Сезара де Базана в «Рюи Блазе» В. Гюго еще в Большом драматическом, Ваську Пепла в горьковском «На дне», Бенедикта в «Много шума из ничего» В. Шекспира, Лаврецкого в тургеневском «Дворянском гнезде», дважды Чичикова в гоголевских «Мертвых душах» — в телевизионном спектакле и в недавней постановке пушкинцев. Но главная любовь выдающегося актера, главное его призвание — это современник. Человек, близкий ему по складу характера и мышления, по убеждениям и нравственной вере.

И это явилось естественным следствием биографии, судьбы самого художника. Горбачев окончил десятилетку в 1945 году — это был первый послевоенный выпуск. Ребята, пережившие войну, рвавшиеся на фронт и из-за возраста туда не попавшие, они, пожалуй, острее, чем кто-либо другой, чувствовали свой жизненный долг перед теми, кто воевал, кто защитил их детство и их жизнь. Образ солдата Отечественной войны, можно сказать, навсегда входит в творчество Горбачева, становится главной его темой.

Первой ролью актера в пушкинском театре была роль Ведерникова в «Годах странствий» А. Арбузова. Что играл здесь Горбачев? Путь от беспечности к трагедийным, философским раздумьям. Его Ведерников, чистый, честный человек, переживший тяжелую нравственную болезнь, был поражен коростой эгоизма. Но годы, проведенные на фронте, постепенно открывали ему иные, высокие ценности, приводили к духовному прозрению. Ведерников Горбачева словно бы рождался заново, и этот новый человек не мог быть счастлив с полюбившейся ему Ольгой. Герою Горбачева впервые открывались святые обязанности перед Люсей, так беззаветно любящей его, перед маленькой дочкой, перед людьми, перед памятью матери, ждавшей его, как и Люся, долгие годы...

Критика пятидесятых годов много спорила по поводу решения судьбы Ведерникова драматургом. Как же так: любит Ольгу, а остается с Люсей — сможет ли дать он ей счастье, будет ли счастлив сам? Не изменяет ли он сам себе, отказываясь от Ольги? Своей трактовкой Игорь Горбачев утверждал мысль об искуплении Ведерниковым прошлых грехов. О моральной необходимости этого искупления, о его нравственном возрождении. Что же касается того, будет ли счастлив Ведерников, даст ли счастье Люсе, актер своим решением образа отвечал: будет и даст, только не сразу... В финале его Ведерникову все приходилось начинать снова. Но он знал, куда идти. И это было самым главным и самым важным.

В отличие от Ведерникова горбачевский Платов из пьесы Л. Зорина «Друзья и годы» не сомневается, не плутает, а совершает нравственные поступки, борется. Актер играл человека кристальной души. Человека, как он сам говорит, из утра Советской власти, беспредельно верящего в людей. Человека, для которого минуты разочарования в друзьях юности — Державине, Надежде — это поистине трагедийные минуты. Платов Горбачева рано понял подлинные ценности жизни и щедро отдавал людям себя — он шел на фронт, на передовую, под огонь врага, в тяжкие для сельского хозяйства первые послевоенные годы — в МТС не только по долгу коммуниста, но и по искреннему, глубокому сердечному чувству...

И, думая о Ведерникове и Платове, я вновь возвращаюсь к мысли о том, что вся жизнь Игоря Горбачева в искусстве — это преодоление. Нет, ни в Платове, ни в Ведерникове он не уходил от себя, не искал внешней характерности. Она, утверждает актер, отвлекала бы и его самого и зрителей от философской сути сценических характеров. Но он посвоему трактовал и освещал эти образы. Не вступая в спор с авторами, он выделял и подчеркивал в образах те черты и стороны, которые сообщали им на сцене то звучание, ту направленность, к которым стремился прежде всего он, актер.

В критике бытует мнение о Горбачеве как о мастере благополучных финалов. Это и так и не так... Разве благополучен финал Ведерникова — разрыв с любимой женщиной? А у Платова — смерть жены, одинокая старость в недалеком будущем. Но герои Горбачева, и тот

ЧЕВ

и другой, не склоняли голову. Они давали и в финале бой житейским неурядицам и бедам, преодолевали их, поднимались над ними. И именно в этом проявлялись и оптимистический характер таланта, и оптимистическое мировоззрение художника, и его глубокая убежденность в нравственной победе социалистических начал в жизни и человеке.

И Ведерникова и Платова Горбачев щедро наделял духовной красотой. Сродни им был и капитан Бакланов из пьесы А. Крона «Второе дыхание». Актер подчеркивал молодость своего героя, как бы говоря: вот эти русские парни и выиграли войну... И хотя все, с уставной точки зрения, было в этом Бакланове безупречно — и офицерский мундир, и доведенная до блеска манера держаться, выправка, и годами выработанная выдержка, и способность к мгновенной реакции, Горбачев не играл кадрового морского офицера. Он играл речника, человека сугубо мирной профессии, в котором война, необходимость защищать Родину пробудили новые мощные творческие, духовные силы. Актер как бы подчеркивал своим образом: огромные душевные запасы таятся в каждом русском человеке, и пусть к каждому придет «второе дыхание», пусть полностью проявятся эти запасы и силы сегодня — в нашей мирной повседневности.

Есть, вероятно, все основания думать, что если бы не было в творчестве Игоря Олеговича образа Бакланова, то не родился бы и сценический образ знаменитого французского летчика Сент-Экзюпери, созданный им в пьесе Л. Малюгина «Жизнь Сент-Экзюпери».

Удивительно сыграл Горбачев эту роль! И играет поныне — вот уже восьмой сезон. Пьеса дает возможность и бытового решения роли. Он же сплавил в ней воедино романтику и иронию, улыбку и трагедию. Сыграл человека, влюбленного в небо, в жизнь, в людей и потому всеми силами души ненавидящего фашизм.

И в этой роли актер не стремился далеко уходить от себя, от своей внешности. Люди, хорошо знавшие Сент-Экса, так называли его друзья, в первые минуты спектакля говорили о полной несхожести образа с прототипом. А по окончании действия утверждали, что Сент-Экзюпери был именно таким, каким его сыграл Горбачев, что представить его себе другим они не могут. Убеждала внутренняя характерность образа, его романтическая сущность, точно постигнутая и эмоционально переданная актером.

Иное дело доктор Устименко, сыгранный Горбачевым в инсценировке трилогии Ю. Германа «Дело, которому ты служишь». Здесь нужна была и внешняя характерность — она была и результатом тяжкой фронтовой судьбы этого человека и передавала его внутреннюю суть. Прихрамывающая походка Устименко — Горбачева резко контрастировала с его стремительностью, что придавало образу громадную внутреннюю экспрессию. Образ пронизывали ярость и одержимость.

Счастливой особенностью Игоря Горбачева является и то, что он относится к художникам, способным не только прислушиваться к критике, воспринимать ее, видеть в критикующем не врага, а друга, искренне желающего ему добра,— но и к самокритике, чаще всего не удовлетворенным достигнутым, сделанным. Он, например, и сегодня считает, что, играя Хлестакова в кино, утратил благодаря отсутствию реакции зрительного зала большую долю непосредственности и свежести. Говорит об образе Лаврецкого как о своем поражении. Вот и Устименко в силу этой самокритичности, взыскательности актера к себе претерпел в процессе жизни спектакля серьезные изменения.

Внешняя раздражительность Устименко, непримиримость к равнодушию делали его на первых спектаклях однокрасочным. Но вот однажды в театр пришел ученый, лауреат Ленинской премии Федор Григорьевич Углов. Посмотрел спектакль, после чего, дружески беседуя с Горбачевым, пригласил его к себе в клинику. День провел с ним актер. Присутствовал на операциях, на совещаниях с врачами, осмотре больных... А в конце дня Углов спросил его: «Я не очень кричал?» Многое открыло в образе это короткое замечание Горбачеву. С тех пор его Устименко стал заметно сдержаннее в обращении с людьми. А затем стал и мудрее: стал понимать, к примеру, что не только жена перед ним виновата, но есть и его вина в том, что потерял семью... Он стал строже к себе... Сохраняя внутренний накал, образ обрел объемность, многогранность, большую психологическую глубину и убедительность.

Сто двадцать ролей сыграно Горбачевым в театре и двадцать семь — в кино. Ролей разных: и таких, что сродни Бакланову и Устименко, как председатель колхоза Лепехин в «Инее на стогах» Л. Моисеева или военный журналист Лопатин в спектакле «Из записок Лопатина» К. Симонова, и таких, как завистник и доносчик Булгарин из «Болдинской осени» Ю. Свирина... Зрители помнят актера в фильмах «Операция «Трест», «Любовь Яровая», «Укрощение огня», «Безумный день», «Музыканты одного полка» и других...

Естественно, что не все образы равны по глубине постижения характера, художественной силе. Одни ближе особенностям дарования актера, другие — дальше от них. Сам Горбачев, например, считает, что и в Алексее из «Оптимистической трагедии» Вс. Вишневского и в Шванде из «Любови Яровой» К. Тренева он скорее передавал общую идею образа, нежели создавал исторически и человечески конкретные характеры... Но ведь и со Швандей и с Алексеем актер встречался еще в свои молодые годы. Художнические опыт и зоркость накапливаются исподволь.

Сегодня перед нами талант не только крупный, но и зрелый, мастерство, отточенное и выверенное годами. Главное же — художник не просто талантливый, но и способный и на сцене и в жизни к глубоким эстетическим, философским и социальным обобщениям.

— Открытие масштабной личности героя,— говорит Игорь Олегович,— невозможно без соответственно крупной и значительной личности самого артиста. История театра подтверждает закономерность такого соответствия. Даже больше, нам хорошо известны факты «укрупнения» героя, дополнение его характера и углубление человеческой сущности личностью исполнителя... Искусство актера — самое личное из всех искусств.

Вот это личностное начало и привело Горбачева и в театральную педагогику и в режиссуру. Еще в молодые годы поставил он «Домик на окраине» А. Арбузова в Большом драматическом театре, а позднее, в пушкинском, «Марию Тюдор» В. Гюго, «Платона Кречета» А. Корнейчука, «Ураган» А. Софронова... И как естественно было его обращение к «Домику на окраине» — все та же тема войны, мысль об ответственности человека перед людьми, так естественно и обращение к «Урагану» — раскрытие процесса нравственного выпрямления, нравственного прозрения человека...

Да, все творчество Горбачева, его взгляды и убеждения могут служить неопровержимым свидетельством того, сколь велико сегодня в искусстве значение личности художника!..

Однажды Игорю Олеговичу рассказали историю, относящуюся к военным годам. В одном из белорусских городов, внезапно захваченном фашистами, остался пожилой актер местного театра, исполнявший до войны роль Владимира Ильича. И вот к нему, тяжело больному человеку, ночью пришла группа местных жителей и попросила подсказать им, как связаться с партизанами. Люди не поверили, когда старый актер сказал им, что у него таких связей нет.

— Не может быть,— возразили они,— вы же играли Ленина.

И такая вера звучала в словах этих людей, что старый актер превозмог свою болезнь. Он связался с партизанами и впоследствии погиб, как один из руководителей местного подполья.

— Возможно, это легенда,— говорит Горбачев.— Но она прекрасна. Мы всегда должны стремиться быть достойными своих героев.

И для самого Игоря Олеговича служение людям в искусстве и в жизни неразрывны между собою. Остро сознает он общественное назначение творчества.

И вот все это, вместе взятое,— громадный художественный талант, высокое мастерство, сознание общественной роли театра, понимание, что человек — и режиссер и актер — приходит в искусство не для самоутверждения и самовыявления, а для того, чтобы быть голосом и совестью народа, для передачи правды нашего времени — недавно и привело, естественно, по праву, Игоря Олеговича Горбачева на пост художественного руководителя Театра имени А. С. Пушкина. Сегодня с именем Горбачева связываются завтрашний день коллектива, давно ставшего ему родным, надежды на его новый творческий взлет, на его вечную, неиссякаемую молодость.

Цезарь СОЛОДАРЬ,
специальный корреспондент
«Огонька»

ДВОЙНЫЕ

ОПЕРАЦИЯ «БРИХА»

Об этой, на грани трагедии, истории я впервые услышал летом сорок пятого в Германии, где наша писательская бригада работала над документальным сборником «Штурм Берлина».

Не успели отгреметь залпы войны, как сионистские эмиссары задумали и осуществили в Европе цикл крупномасштабных операций по насильственному вывозу евреев в Палестину. Их жертвами стали евреи, оказавшиеся в лагерях для так называемых перемещенных лиц. После долгих мытарств и страданий у несчастных впервые появилась реальная надежда вернуться в родные страны.

Томились в этих лагерях и евреи, избежавшие еще более трагической судьбы. Обреченные на истребление в газовых камерах, они ждали смерти, и только стремительное наступление советских войск вызволило их из гитлеровских застенков. Возвращенные нашей победой к жизни, они считали дни и часы до счастливой минуты, когда смогут отправиться на родину. Но те из них, кто после капитуляции фашистской Германии оказался на союзнической территории, попали в лагеря для перемещенных лиц. И мечты этих исстрадавшихся людей были безжалостно перечеркнуты. Высшие сионистские органы решили принудительно переправить их в Палестину. Этого требовала принятая сионистами на вооружение упоминавшаяся уже «Иерусалимская программа». Им нужно было «еврейское население». И чтобы заполучить его, они шли на все.

Операции по вывозу в Палестину осуществлялись по единому рецепту. Евреям в лагерях для перемещенных лиц упорно и строго внушали, что дорога в родные места для них безвозвратно закрыта, что Болгария, Румыния, Италия, Греция, Голландия, Бельгия и другие европейские страны, несмотря на горячие уговоры, категорически отказываются их принять. Им сулили бесплатный проезд в Палестину, а также большую денежную помощь по прибытии на место. И отчаявшиеся, потерявшие веру в освобождение люди не решались открыто восстать против столь губительных для них замыслов.

Тогда, в сорок пятом, я не смог в достаточной мере ознакомиться с фактическими материалами, чтобы иметь право писать о широко задуманном обмане, заставившем тысячи людей со слезами отчаяния уехать в Палестину. Но сейчас я нашел такие материалы — точные и неопровержимые.

Где? Представьте, в израильских газетах, которые мне показали в Люксембурге.

Сам не понимаю, отчего вдруг сионистским журналистам понадобилось сейчас предавать огласке засекреченные операции по принудительному вывозу из лагерей в Палестину большого числа евреев — уроженцев и жителей многих европейских стран. То ли сионистские журналисты решились обнародовать эффектные подробности одной из таких операций, полагая, что за давностью лет не обратят внимания на нечестную подоплеку. То ли не смогли они удержаться от соблазна тиснуть сенсационный заголовок: «Американский католик Новинский помог палестинскому сионисту Вайнштейну осуществить дерзкую операцию под кодовым названием «Бриха».

Начало см. «Огонек» №№ 39, 43, 46, 47, 48.

Да, в декабре 1945 года капитан войск США Стенли Новинский, католик по вероисповеданию, действительно помог сионистской группе Абы Вайнштейна обмануть около 8 тысяч евреев, скопившихся в лагере Риденбург. Для этого Новинскому, как он хвастливо сообщил недавно израильским журналистам, «пришлось рискнуть собственной карьерой и благополучием, обмануть английскую часть администрации лагеря».

Американский офицер оккупационных войск не мог не знать, что президент его страны Рузвельт осуждал попытки насильственного переселения перемещенных лиц еврейской национальности в Палестину. Президент дал указание командованию американских оккупационных войск: этим людям надо предоставить право самим решать свою судьбу. И все же капитан Новинский пренебрег приказом главы своего государства и предпочел откликнуться на призыв американского раввина Клаузнера:

— Евреев из лагерей надо без всяких разговоров отправлять на землю предков. А тех, кто заартачится, следует строго припугнуть и даже снять с продовольственного снабжения. Хотя эти перемещенные, думаю, сейчас не в таком настроении, чтобы рассуждать и выбирать.

Незаконно использовав свое служебное положение сотрудника военной комендатуры риденбургского лагеря, Новинский первым делом отобрал у намеченных Вайнштейном жертв все без исключения документы. Затем была изготовлена липовая документация. Так возникла идиллическая картина: всех намеченных к вывозу евреев ждут не дождутся в Палестине близкие родственники, обуянные горячим желанием приютить их и обогреть.

В действительности же многие из жертв Вайнштейна уже получили весточки, что дома их нетерпеливо готовятся встретить оставшиеся в живых: кого — жена, кого — сестра, кого — дети. На коленях обреченные люди умоляли Вайнштейна не вывозить их на чужую палестинскую землю. Но эмиссар палестинских сионистов был неумолим: будущему еврейскому государству нужно население. А капитанские погоны Стенли Новинского прикрывали предательство Вайнштейна авторитетным именем американской армии.

Для «добровольных» переселенцев потребовались пропуска — что ж, Новинский немедленно состряпал фальшивки. Вайнштейн опасался нежелательных проверок по пути следования — католический помощник сиониста и тут нашел выход: авантюристической группе Вайнштейна присвоили официальный статус «Комитета помощи еврейским беженцам». На этом громком наименовании Вайнштейн удачно поспекулировал в пути и раздобыл всяческие привилегии для своего эшелона.

Где же тут собака зарыта? В чем корни странного рвения американского офицера? Почему вдруг он настолько близко принял к сердцу сионистскую «Бриху», что отважился рискнуть собственной карьерой и благополучием?

Израильская пресса, безудержно восхваляя Новинского, дает всему этому патетически приподнятое объяснение: истинно верующего католика до глубины души тронули благочестивые чаяния верующих евреев, мечтавших, дескать, поселиться на священной земле праотцев. Какая божественная трогательность! Какими ангельскими помыслами был движим капитан американской армии Стенли Новинский!

Увы, весь елейный эффект от громогласных сообщений о визите мистера Новинского в Израиль катастрофически испортил безымянный репортер хайфской газеты. Проявив усердие не по разуму, он, восхваляя благородство капитана, проговорился:

«Еще до возвращения из оккупационной зоны в США Новинский был уволен из вооруженных сил США. Его обвинили в том, что он получил от Вайнштейна значительную сумму денег и присвоил некоторые принадлежавшие переехавшим евреям ценности».

А несколькими строками ниже репортер, словно спохватившись, в самых возвышенных тонах восхваляет и превозносит... благороднейшие стремления взяточника Новинского помочь перемещенным евреям. Вот уж поистине железная логика в духе сварливой бабы из Касриловки! Не вернув соседке одолженный горшок, она заявила: «Во-первых, я этого горшка не одалживала, а во-вторых, он был весь дырявый!»

Несмотря на неуклюжую оговорку репортера, сразу стало понятно, во имя каких таких «высоких идеалов» Новинский рискнул собственной карьерой и благополучием. Содействуя сионистам, он основательно упрочил свое благополучие. Оставив армию, сионистский пособник, как деликатно выражается хайфский корреспондент, вступил в ряды состоятельных американцев.

Сделал карьеру и Аба Вайнштейн. Если тогда, в сорок пятом, он был всего-навсего агентом террористической сионистской организации «Хагана», то сейчас — ответственный сотрудник министерства иностранных дел. Правда, человек, предательски завлекший на чужбину восемь тысяч обездоленных людей, на всякий случай изменил фамилию и ныне именуется уже Гефеном.

ПО МОДЕЛИ «БРИХИ»

Страницы о делах альянса «Сионист Вайнштейн и Новинский» были уже написаны, и я не намеревался возвращаться к ним...

Но в Брюсселе театральный рецензент совсем далекой от сионистских дел газеты между прочим спросил меня:

— А вы не сочли бы напрасно потерянным время, затраченное на встречу с одним моим антверпенским знакомым? Очень уравновешенный и мягкий человек, как и положено стоматологу, обязанному не поддаваться эмоциональным всплескам. Но совершенно преображается — вспыхивает до наивысшего накала,— только заходит речь об одной главе сложной и запутанной биографии его отца. Уж очень необычный путь привел того сразу же после второй мировой войны в Палестину. Его заставили пробыть в Палестине несколько лет. Видимо, весьма нелегких лет...

Я увидел стоматолога. Не уравновешенного и не мягкого. Услышав первый же мой вопрос, он ожесточился, в глазах зажегся гневный огонек, и мне показалось, что отвечает он не мне, а какому-то воображаемому собеседнику, причинившему ему непоправимое горе.

— Сколько времени провел мой отец среди сионистов в Палестине? Два года, девять месяцев и шесть дней. Худшая пора его жизни после окончания войны. Даже в лагерях для перемещенных лиц он чувствовал себя лучше, тогда в его сердце было больше надежды на скорое возвращение к близким. Даже в лагерях! Да, да, в лагерях, а не в одном лагере!

Попав в лагерь под Ганновером, отец сразу же заявил, что хочет вернуться в Бельгию, где родился он и его родители. Даже и слышать не хотел о переезде в еврейские местности Палестины. Никуда, только обратно в Бельгию! Разозленные таким упорством, сионисты периодически добивались от американской администрации переброски наиболее упрямых из лагеря в лагерь. Такую форму расправы они шутливо называли «игрой в крикет». В последний раз моего отца перегнали под Штутгарт. Много позже он узнал, что под давлением сионистских уполномоченных лагерная администрация скрыла присланное на его имя из Бельгии письмо. А ему твердили одно: бельгийские власти отказываются пустить вас на свою территорию, где нет никого из ваших родных!

Нервно посасывая давно потухшую сигарету, стоматолог произнес глухим голосом, каким обычно говорят о тяжком приговоре:

— В конце концов сионистские уполномоченные вынудили измученного человека прекратить сопротивление и вырвали у него согласие на переброску в Палестину.

Стоматолог привел такую подробность. Чтобы перегнать его отца и других обманутых евреев из лагерей в Палестину, нужно было уничтожить малейшие следы их истинного гражданства и снабдить насильно угоняемых людей фальшивыми документами. «Иммигранты поневоле» в глубине души таили надежду, что с изготовлением фальшивок выйдет спасительная для них заминка. Но тут на помощь сионистам охотно пришли темные личности из специальной граверной мастерской петлюровской эмигрантской организации в Мюнхене. Они быстро изготовили фальшивые документы. Вот уж действительно трогательная взаимопомощь «братьев по духу» — отпетые украинские националисты выручают еврейских!

— Ох, как же намучился отец на палестинской земле...— продолжал антверпенец.— Его превратили там в сторожа. Он охранял земельные наделы, отобранные сионистами у арабских аборигенов. Кстати, владельцы этих огромных наделов стали основателями богатейших династий нынешних израильских коммерсантов. Только перед провозглашением государства Израиль отцу удалось бежать из Палестины... Уже около десяти лет отца нет в живых. У меня уже есть собственные дети. Но до сих пор меня бросает в дрожь, когда вспоминаю рассказы отца о том, как издевались над ним сионистские уполномоченные в лагерях для перемещенных лиц! И не только над ним. Особенно изощренные издевательства пришлось выдержать нескольким евреям из Северной Буковины, воссоединившейся с Советским Союзом, кажется, незадолго до войны. К этим людям сионистские уполномоченные стали приводить агитаторов из антисоветского союза русских эмигрантов...

— Вы имеете в виду НТС? — переспросил я.

— Вот именно, эн-тэ-эс,— подтвердил мой собеседник.— Отец называл именно эти буквы. И те агитаторы долго и упорно убеждали буковинских евреев согласиться на перемещение в Палестину. «Вот вам книжечки, берегите их. Скоро в Советском Союзе произойдет переворот, вы предъявите эти книжечки — и вас тут же перевезут из Палестины в Россию». В этих книжечках была напечатана программа НТС. А специальный пункт программы подчеркивал, что права лиц еврейской национальности должны быть в России ограничены. И когда агитаторы из НТС явились снова, буковинские евреи швырнули им в лицо их книжечки. Агитаторы пытались оправдаться. Этот пункт, говорили они, НТС вынужден был включить в программу ради гитлеровцев, от которых в годы войны зависела их организация...

С антверпенским стоматологом мы беседовали в небольшом брюссельском парке неподалеку от знаменитого «Атомиума» — символа Всемирной выставки 1958 года в Брюсселе.

В тот холодный апрельский день парк был совершенно безлюден, но мой собеседник испуганно оглядывался по сторонам и сбивался на заговорщицкий шепот:

— Умоляю вас!

Да, этого человека может настичь месть сионистов. Месть... А, собственно говоря, за что? За правду о горькой доле его отца. За жизненные, точные факты, еще раз неоспоримо подтверждающие, что операция «Бриха» была в сионистской практике далеко не единственной, что не один Вайнштейн и Новинский и не только из Риденбурга насильственно угоняли обездоленных войной евреев в чужую им Палестину.

Но и беседа в Брюсселе вопреки моим ожиданиям не завершила главы о сионистских акциях типа «Брихи».

Через несколько дней, уже в Голландии, мне рассказали об ужасающей трагедии освобожденных узников концлагеря Берген-Бельзен.

В апреле 1945 года, незадолго до окончательного разгрома гитлеровских войск, в Берген-Бельзене скопилось около 12 тысяч евреев. Их свезли туда из различных гетто, преимущественно голландских и бельгийских. Именно в этом фашистском аду, напоминаю, в марте погибла от острого истощения Анна Франк.

Захватившие Берген-Бельзен английские войска убедились, что большинство освобожденных ими узников нуждается в безотлагательном, срочнейшем лечении. Брюшной тиф, пневмония, дистрофия, заражение крови свирепствовали здесь, особенно среди детей и женщин. Английский военно-медицинский персонал не столь уж, естественно, многочисленный, не зная отдыха, сразу же занялся отбором и эвакуацией наиболее опасно больных.

В действия самоотверженных медиков неожиданно вмешались капелланы еврейской национальности из английских же военных частей. По указаниям сионистских эмиссаров из Лондона они стали обходить лагерные бараки и объявлять освобожденным узникам фашизма: кто даст согласие на перемещение в Палестину, тот будет эвакуирован для лечения в первую очередь.

И ради спасения умиравших детей и жен, чью смерть предотвратить могло только срочнейшее лечение, многие дали согласие на вывоз в Палестину. Тех же, кто отказался, причислили ко второй очереди, невзирая на то, что в их семьях были тяжелобольные женщины и дети.

А в мае сионистские агенты депортировали в Палестину эшелон бывших узников Берген-Бельзена. О подробностях этой операции рассказали голландские евреи, вернувшиеся из Палестины на родину. Удалось это далеко не всем.

Отголоски берген-бельзенской трагедии и сейчас, много лет спустя, стучатся в сердца честных людей Бельгии и Голландии.

ГДЕ РАНЬШЕ ЗВУЧАЛ ЧИСТЫЙ ГОЛОС

Дом Анны Франк (музей) в узеньком, типично амстердамском здании на улице Принсенграхт я впервые посетил весной 1965 года.

По винтообразной лестнице с этажа на этаж медленно поднимались и спускались десятки посетителей. По их приглушенным репликам узнавалась молодежь самых различных национальностей. И вместе с тем здание казалось пустынным: настолько немногословными и сосредоточенными становились в этих стенах посетители, потрясенные ожившими страницами трагического дневника Анны Франк.

Пытливо всматриваясь в каждую мелочь, я вспоминал эту переведенную на десятки языков и впечатляющую своей искренностью и бесхитростностью книгу, и убеждался, насколько верно подметил Илья Григорьевич Эренбург, что голос погибшей в гитлеровских застенках Анны — «это еще детский голос, но в нем большая сила — искренности, человечности да и таланта. Не каждый писатель сумел бы так описать и обитателей «убежища» и свои переживания, как это удалось Анне».

Помнится, мы с драматургом Самуилом Иосифовичем Алешиным осматривали дом на Принсенграхт в утренние часы, однако и вечером не в состоянии были в полной мере воспринять чеховских «Трех сестер» в постановке Утрехтского театра — настолько потрясло и захватило нас все увиденное в этом антифашистском по своей сути Доме.

Прошло десять лет. Снова я в Доме Анны Франк. И с первых секунд мне начинает казаться: теперь все здесь не так, совершенно все иное. А ведь служительницы уверяют, что ничего не изменилось.

Верно, в экспозиции ничего не изменилось. Но разительно изменилась атмосфера.

Что такое? Какие-то развязные молодые люди осматривают не дом, а посетителей, не ходят, а снуют из комнаты в комнату, как бы разыскивая спешно понадобившихся им людей. Откуда такая суетливость? Почему эти молодые люди выступают здесь в роли импресарио и откровенно мешают грустноватым и подчеркнуто нешумливым гидам? Почему здесь запахло какой-то биржей?

Ведь как и десять лет тому назад, люди приезжают из дальних стран в эти маленькие комнаты, чтобы в благоговейном молчании рассмотреть каждую деталь мемориала вплоть до зарубок на дверном косяке, показывающих, на сколько сантиметров вырастала Анна за каждые три месяца. В этих чердачных комнатах люди, повинуясь нерегламентированным правилам, а своему сердцу, стараются и сейчас говорить поменьше и потише, словно вот-вот они услышат чистый голос Анны. Почему же в этих комнатах, знакомых по дневнику девочки миллионам людей на всех континентах, ныне запахло грязным политиканством?

Почему, наконец, здесь периодически устраиваются всяческие крикливые мероприятия, не имеющие никакого отношения ни к Анне, ни к тому, ради чего сохранен этот памятник человеческому достоинству? Назову, к примеру, устроенную по инициативе западногерманских сионистов и шумно разрекламированную голландскими выставку «Еврейская пресса в Голландии и Германии 1674—1940 годов». Буржуазные европейские националисты поддержали эту выставку, ибо полнее всего на ней были экспонированы сионистские издания предвоенных лет.

На выставку привозили сотни шумливых экскурсантов. Они раздражали, они оттесняли на задний план всех приехавших туда ради того, чтобы увидеть чердак, где, по точному определению Эренбурга, «честные и смелые голландцы в течение двадцати пяти месяцев скрывали восемь обреченных», откуда на всю планету прозвенел «голос — не мудреца, не поэта — обыкновенной девочки», «чистый, детский голос». Он и поныне звучит, «он оказался сильнее смерти».

А тут устраиваются какие-то националистические сходки, тут молодые голландские сионисты бойко охотятся за иностранцами и приглашают их в кафе, где «на десерт» всучивают им сионистскую литературу самого шовинистического толка.

С одним из таких «охотников», Шмуэлем Ленцем, мне довелось поговорить. Он назойливо вмешался в мою беседу со служительницей мемориала. Она поинтересовалась, что появилось в советском искусстве нового, связанного с именем Анны Франк.

— Композитор Григорий Фрид написал оперу «Дневник Анны Франк»,— ответил я.— Москвичи уже слышали оперу в концертном исполнении.

— В Москве прославляют Анну Франк? — насмешливо загремел Ленц, до того сколачивавший группу посетителей, которых повезут для «беседы» в модное кафе.— И вы хотите, чтобы мы поверили вам?

— Вы-то никому, кроме себя, не верите,— грустно ответила служительница. И можно было почувствовать, как ей, мягко говоря, надоели назойливые «импресарио» по улавливанию в сионистские сети молодых иностранцев.

Все эти махинации глубоко противоречат тому, ради чего был создан мемориал. Неслыханно кощунственны сионистские попытки превратить Дом Анны Франк из интернационального символа антифашизма и борьбы с войной в опорный пункт националистической пропаганды!

В прогрессивных кругах нидерландской общественности такое надругательство над светлым именем Анны вызывает недовольство и даже публичные протесты.

— Чистое сердце девочки не было заражено семенами шовинизма и национализма,— услышал я в группе гаагских журналистов.— Она любила хороших людей независимо от их национальности. Она верила в них. Многие наизусть запомнили запись, сделанную в дневнике четырнадцатилетней Анной в четверг 25 мая 1944 года: «Сегодня утром арестовали нашего славного зеленщика — он прятал у себя в доме двух евреев». Нет, шовинизму не должно быть места в том доме, где писала Анна свой дневник.

— Почему же все-таки место нашлось?

— Паулина Визенталь — вам известно такое имя? — ответил мне журналист вопросом на вопрос. И многозначительно пояснил: — Дочь Симона Визенталя.

ВИЗЕНТАЛЬ, ОТЕЦ И ДОЧЬ

Оказывается, за спиной сионистских реформаторов мемориала стоит дочь Симона Визенталя, ныне здравствующего сионистского разведчика. За спиной Визенталя, прославляе-

мого сионистской пропагандой «борца-антифашиста», огромная цепь предательств и провокаций в годы второй мировой войны.

По собственному признанию, в июле 1941 года Визенталь вместе с тридцатью девятью представителями интеллигенции Львова был брошен гитлеровцами в тюрьму. По странному «стечению обстоятельств» все заключенные, кроме Визенталя, были расстреляны, а он вскоре оказался на свободе. После удачного «почина» Симон, как установлено польским журналистом Луцким по архивным документам, стал кадровым агентом гитлеровцев. И не заточали его в фашистские застенки, о чем он непрерывно кликушествует, а забрасывали туда для очередной провокации. Визенталь, по его утверждению, прошел через пять гестаповских тюрем и двенадцать лагерей. Нетрудно себе представить, сколько человеческих жертв на черной совести матерого провокатора.

И он, заведомо предававший и продававший нацистам людей ненавистной им еврейской национальности, сейчас возглавляет... «Объединение лиц еврейской национальности, подвергавшихся преследованиям при нацистском режиме».

По достоинству оценена деятельность Визенталя в другом руководимом им учреждении — «Еврейском бюро документации». Официально считается, что это бюро разыскивает нацистских военных преступников. Однако общественное мнение увидело в визенталевском детище «частную шпионскую полицию», применяющую «противоречащие закону методы». И не случайно у многих честных людей на Западе возникает один и тот же вопрос: «Нуждается ли государство в частной организации Визенталя, присвоившей себе право тайного суда над людьми?»

Визенталь позволяет себе объявлять невиновными нацистов, заочно осужденных в ГДР за истребление населения на оккупированных территориях. Вряд ли он делает это из одного только желания щегольнуть своей независимостью. Вероятно, его толкают на это мотивы более реальные и более ощутимые!

Визенталь не раз хвастливо декларировал свою готовность встретиться с любым представителем прессы для беседы о работе упомянутого объединения. В сентябре 1973 года, в Вене, я позвонил в «Еврейское бюро документации» и передал секретарше, что хочу встретиться с ее шефом. Она попросила меня позвонить через два дня: необходимо, мол, уточнить расписание дел шефа на ближайшую неделю. А через два дня я услышал от секретарши:

— Хотя вы представились корреспондентом журнала «Огонек», господину Визенталю известно ваше активное сотрудничество в «Литературной газете». А поскольку на ее страницах публиковались материалы, унижающие достоинство господина Визенталя, он не находит возможным встретиться с вами.

Я совсем не удивлюсь, если узнаю, что этот господин внес и меня в список лиц, подозреваемых в связях с гитлеровцами. Ведь чехословацкий еженедельник «Трибуна» точно определил основы провокационной тактики Визенталя: «пришивать нацистское прошлое» тем, кто не разделяет идеологии сионизма, и тем, кого Симон имеет основания считать своими противниками. В буржуазных странах такой метод приносит Визенталю немалые доходы, ибо чаще всего он шантажирует своими «подозрениями» лиц с солидным текущим счетом в солидном банке.

Одно время под давлением растущей неприязни австрийской общественности Визенталь намеревался перебазировать свое «дело» в Голландию и, видимо, для «рекогносцировки» отправил туда свою дочь и верную помощницу Паулину.

Паулина внешне не контактирует с голландскими сионистами и свои операции проводит вроде бы обособленно. Попытка превратить антифашистский и антивоенный по всей своей сути Дом Анны Франк в националистическое гнездо не единственная амстердамская операция деятельной Паулины.

Не обошла дочь Визенталя своим вниманием и еврейский исторический музей в старинном трехсводчатом доме крепостного типа на Новом рынке. Всего несколько залов занимает музей, но их оказалось достаточно, чтобы выпятить такую основную мысль: еврейскую нацию всегда и везде окружали антисемитствующие народы, и спасала ее только изоляция. Не говоря уже о разделе «Тора и талмуд», даже тематическая экспозиция «Евреи в Нидерландах» настойчиво подчеркивает историческую обособленность евреев от всей жизни голландского народа. А материалы о голландских евреях, заточенных в нацистском концлагере Вестерборке, подобраны так, что единственным средством борьбы узников со своими тюремщиками выглядит только неукоснительное соблюдение религиозных ритуалов, ибо представители всех остальных национальностей, в том числе и голландцы, якобы совершенно забыли о евреях.

Подобная «историческая» концепция вдвойне кощунственна и потому еще, что музей посещает преимущественно подрастающее поколение. Школьников, например, туда приводят целыми классами для наглядного изучения истории еврейского народа.

Вот и при мне шумливая стайка школьников заполнила мрачные залы многоголосым гомоном. Ребятишки осмотрели экспонаты в стремительном темпе — после посещения музея им была обещана поездка к морю, на скаутскую спортивную базу. Тем не менее в специальной комнате музея для занятий они пробыли немало времени. Здесь на удобных для детей конторках лежат большие альбомы с обширным объяснительным текстом под иллюстрациями. Каждая страница заключена в целлофановую обертку — и ребятишки могут сколько угодно переворачивать и рассматривать ее.

В те апрельские дни материалы в альбомах были подобраны в помощь школьникам, готовящимся писать сочинение на тему «Победа над нацизмом».

Тщетно искал я хотя бы одну фотографию, хотя бы одну строчку о борьбе советского народа и его войск с фашизмом. О юных героях войны — маленьких фронтовиках, партизанах и бойцах Сопротивления тоже нельзя было найти в альбомах никакого упоминания. Школьникам навязывалась мысль, что юные герои войны — это несчастные дети, даже в заточении не евшие трефной пищи по примеру своих религиозных родителей.

— Что больше всего понравилось тебе здесь?— спросил мой спутник голенастого мальчика, выделявшегося в тот нетеплый день шортиками.

Мальчик, не задумываясь, указал на экспозицию «Синагоги»:

— Видите, мужчины молятся отдельно от женщин.— И лукаво взглянув на свою одноклассницу, буркнул: — А они тащатся всюду с нами.

Что ж, воспитания достойные плоды!..

Попадались среди посетителей и взрослые. Судя по английской речи и многочисленной фотоаппаратуре, это были иностранцы. И тут-то оказалось, что почтенные музейные служители, недоуменно разводившие руками в ответ на вопрос, заданный на идиш, прекраснейшим образом изъясняются на английском языке.

Самый молодой из них, указав мне на худощавого и скучающего спутника восторженной и многоречивой дамы, почтительно сказал:

— Заплатил за два билета пятьдесят долларов!

Меня, заплатившего за билет положенный гульден, заинтересовало:

— И часто попадаются такие щедрые посетители?

— Если б не они, музей пришлось бы перевести в другое место. Сколько раз уже собирались снести наше здание. Видели, оно создает пробки автомашин на площади? Но газеты задают вопрос: разве можем мы краснеть перед иностранными гостями, которые издалека едут в музей, как в святое место?

Из музея я выходил одновременно со щедрым заокеанским посетителем. В тесном вестибюле он остановился перед киоском сувениров и разноцветных путеводителей. Заметив выгодного покупателя, кассирша выбежала из-за перегородки и, сняв со стопки брошюру на английском языке, любезно протянула ему. «На защиту евреев в Советском Союзе!» — значилось на обложке.

— У нас таких сколько угодно,— небрежно отмахнулся он.

Но восторженная дама, извинительно улыбнувшись, поспешила купить брошюру, причем даже два экземпляра.

Стопка антисоветских брошюр в киоске была довольно объемистой. Что ж, Паулина Визенталь, достойная отца дочь, знает свое дело!

ПАМЯТИ ОЛЬГИ БЕРГГОЛЬЦ

Поэзия Ольги Берггольц неотделима от Ленинграда. От Ленинграда трагического, блокадного, героического.

В сентябре 1941 года, когда первые бомбы взметнули в небо ленинградскую землю, когда угловые дома ощетинились пулеметными гнездами, когда сразу постаревшие матери попрощались у городских застав с сыновьями, прозвучали гордые слова Ольги Берггольц:

Нет, земля, в неволю, в когти смерти
ты не будешь отдана, пока
бьется хоть единственное сердце
ленинградского большевика.

Я помню, как в наступившие тяжкие дни военной ленинградской страды люди останавливались возле только что расклеенных на стенах домов газет и, прочитав сводки с фронтов, впивались глазами в новые стихи О. Берггольц, опубликованные рядом со сводками. Сводки были неутешительными, но стихи раскрывали душу сражающегося народа, они заставляли верить в победу.

Дарья Власьевна, твоею силой
будет вся земля обновлена.
Этой силе имя есть — Россия.
Стой же и мужайся, как она!

И каждый, прочитавший эти строки, воспринимал их как обращение к самому себе: «Стой же и мужайся...» И люди мужались.

Мое поколение, чье детство пришлось на время ленинградской блокады, воспринимало стихи Ольги Берггольц в годы войны не просто как искусство,— эти стихи нравственно воспитывали нас, они содействовали становлению характера, прямого и решительного.

Ее словами мы клялись на верность Родине в юности:

Не бойся, мама, я не струшу,
не отступлю, не побегу.
Взращенную тобою душу
непобежденной сберегу.

Эти слова мы повторяли и позже, зрелыми людьми, вступая в бой с лицемерием и приспособленчеством, цинизмом и жестокосердием.

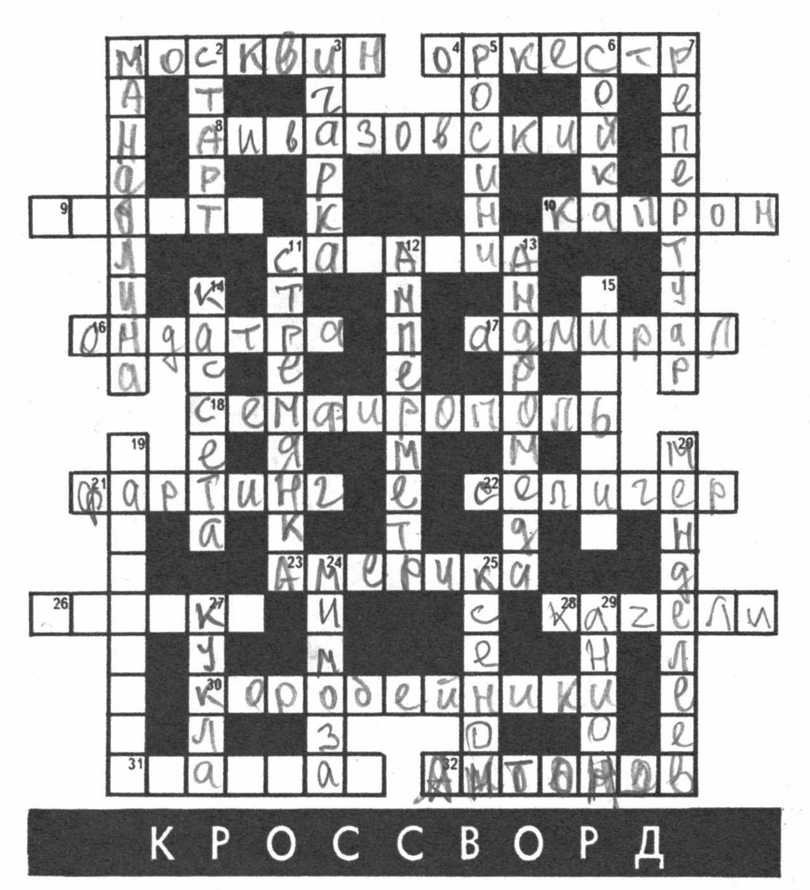
Нет с нами Ольги Федоровны Берггольц.

Но на заснеженном Пискаревском кладбище навечно выбиты в камне ее слова.

Но мой тринадцатилетний сын открывает для себя ее поэзию, и первые морщины раздумья ложатся на его чистый лоб.

Но я и мои сверстники, люди, у которых волосы уже припорошены снегом седины, оглядывая свою жизнь, думают о том, что выстоять в бурях времени, жить честно и бескомпромиссно помогла нам и поэзия Ольги Берггольц.

Олег ШЕСТИНСКИЙ

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Народный артист СССР, игравший в МХАТе. 4. Коллектив музыкантов. 8. Автор картины «Девятый вал». 9. Повесть Л. Н. Толстого. 10. Синтетическое волокно. 11. Город на юге США. 16. Пушной зверек. 17. Воинское звание. 18. Областной центр на Украине. 21. Английская разменная монета. 22. Озеро на Валдайской возвышенности. 23. Часть света. 26. Основной аккорд лада. 28. Аттракцион. 30. Поэма Н. А. Некрасова. 31. Река в Бразилии. 32. Советский авиаконструктор.

По вертикали: 1. Струнный инструмент. 2. Момент запуска ракеты. 3. Порт в Красноярском крае. 5. Французский поэт и драматург. 6. Лесная птица. 7. Подбор пьес, исполняемых в театре. 11. Легкая переносная лестница. 12. Прибор для измерения силы электрического тока. 13. Созвездие северного полушария неба. 14. Футляр для фотографической пленки. 15. Балет Л. Делиба. 19. Памятник древнерусской литературы XIV века. 20. Русский химик. 24. Южное растение с мелкими цветками. 25. Инертный газ. 27. Роман Б. Пруса. 29. Отрицательно заряженный ион.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 48

По горизонтали: 6. Лексикография. 9. Сковорода. 10. Ионосфера. 11. Напев. 14. Мандарин. 15. Кантемир. 16. Кристофори. 17. Братислава. 18. «Осколки». 21. Брандспойт. 22. Транзистор. 24. Камчатка. 26. Вороника. 28. Брасс. 30. Кантилена. 31. Крутицкий. 32. Консерватория.

По вертикали: 1. Терраса. 2. Лиман. 3. Конспект. 4. Архив. 5. Миномет. 7. Болгария. 8. Вернисаж. 12. Сизоворонка. 13. Катализатор. 19. Каватина. 20. Этикетка. 23. Тарасова. 25. Аралсор. 27. «Охотник». 28. Баден. 29. Скетч.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев и Генеральный секретарь ЦК КПЧ, Президент ЧССР Г. Гусак перед началом советско-чехословацких переговоров.

Встреча партийно-правительственной делегации ЧССР на Внуковском аэродроме.
Москва. 25 ноября 1975 года. **Фото В. Мусаэльяна (ТАСС)**

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Зима в Подмосковье. **Фото А. Бочинина**

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 17/XI — 75 г. А 00685. Подп. к печ. 2/XII — 75 г. Формат 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2941. Тираж 2 030 000 экз. Заказ № 1369.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

ДЕЛО ВСЕЙ ЖИЗНИ

Л. ЛУКЬЯНОВА

Фото В. АННИ

Принято считать, что сейчас взрослыми становятся гораздо позже, чем полвека назад. Тогда мальчишки командовали полками, а девчонки учили неграмотных. И чуть ли не с умилением, достойным, наверное, лучшего применения, говорим, вспоминаем, пишем мы об этих мальчишках и девчонках, не думая о том, что не умиления, а уважения они достойны... Спрашивали с них, как со взрослых, не делая скидок на возраст, а детство свое недоигранное отдали они, выходит, другим детям.

В 1918 году Наташе Сац исполнилось пятнадцать лет. У нее, как положено, были косички, и она заведовала детским отделом Театрально-музыкальной секции Московского Совета — Темусека, как говорили тогда.

А в 1966 году на Международном фестивале театров для детей в Берлине Наталию Ильиничну Сац назвали «матерью детского театра». Это если и не итог, то, во всяком случае, попытка определения дела всей жизни. Но не будем забегать вперед.

С именем Наталии Сац очень часто связывают слово «первый»...

Создатель первого в мире театра для детей, первая женщина — оперный режиссер Европы (постановка «Фальстафа» в Берлине), первая женщина — оперный режиссер мира (постановка «Свадьбы Фигаро» и «Кольца Нибелунга» в Аргентине), создатель и руководитель первого и по сей день единственного в мире детского музыкального театра...

«Слову «первый»,— как говорит сама Наталия Ильинична,— всегда предшествуют многочисленные поиски».

Первый детский театр создавался на пустом месте. Не было даже здания. Не было репертуара, актеров, режиссеров — словом, всего «не было». Но Наталия Сац принадлежала к тем счастливым людям, которые ясно осознают реальным то, что кажется невероятным другим. Театр все-таки родился. Как и всякий младенец, родившись, он стал причинять еще больше хлопот своим создателям. Далеко не все разделяли точку зрения, что такой театр необходим. Но младенец рос. Сложился коллектив, репертуар и, самое главное, атмосфера, дух театра.

Михаил Кольцов писал в те годы: «Приходя на спектакль к Сац, ребенок попадает в атмосферу умной свежести. Перед ним не сюсюкают, не суетятся, не размахивают дурацкими погремушками. Ему показывают театрализованную картину настоящего мира...» Наверное, эта самая «атмосфера умной свежести» и вывела театр из ряда многочисленных новшеств и начинаний в искусстве, которыми так богато было то время и большинство из которых умерло, едва родившись.

...Не так давно в Гамбурге была опубликована статья, в которой критик рассуждал, что, мол, куда выгодней для Сац была бы работа во «взрослом» театре: и денег больше и славы...

— Такие вот недоуменные возгласы, да еще с сочувственной интонацией, не новость для меня,— говорит Наталия Ильинична.— Мне странно это удивление. На деле, по-моему, все очень просто. Если вы, я или они не будут заботиться о том, что станет с миром через двадцать или пятьдесят лет, кто же тогда об этом подумает? Сама я считаю, что мир будет таким, какими мы вырастим наших детей. Добрым или жестоким, прекрасным или уродливым...

В одной из своих статей Наталия Ильинична писала: «Искусство — лучший помощник в воспитании подрастающего поколения. Музыка, слово, танец, творения кисти и резца формируют личность маленького гражданина, помогают ему стать лучше, честнее, понять и полюбить красоту».

Вы заметили: сначала Наталия Ильинична назвала музыку. Дочь композитора, она через всю жизнь пронесла трепетное, почти благоговейное отношение к музыке.

Буквально с первых дней своей работы с детьми Наталия Сац старалась дать им возможность понять, почувствовать всю красоту и богатство огромного музыкального мира. Организуя концерты для детей московских окраин, она хотела, чтобы слушали они самых лучших, самых знаменитых, самых талантливых... И бегала Наташа по

Москве, обивала пороги, уговаривала, умоляла, чтобы приехали, спели, сыграли, станцевали для детей... Уговорить было непросто: кто боялся простудиться в холодных, нетопленных залах, кто берег голос, кто не хотел трястись три часа в один конец на старой подводе — единственном транспортном средстве Темусека... Но все равно не отставала, доказывала Наташа, то ли умом понимая, то ли сердцем чувствуя великую важность, значительность всего, что она делает... И пела для детей темных тогда слобод и окраин Нежданова, играл Гречанинов, танцевала Гельцер...

«Она верит в детей...» — сказал однажды про Сац Таиров. Пожалуй, это действительно вера своего рода, присущая Наталии Ильиничне.

Все лучшее — детям. Страна сама еще ребенок, но дети уже главное. У детей свои школы, клу-

Но все обстояло непросто. Проблемы возникали почти те же, что и полвека назад, и они не казались менее острыми.

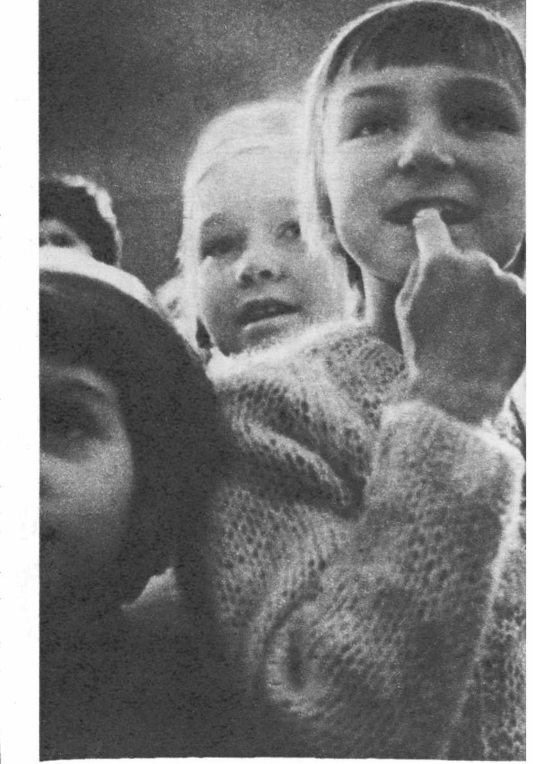
Проблема номер один — репертуар. Детские произведения Чайковского, симфоническая сказка Прокофьева «Петя и Волк», кстати, написанная по просьбе Наталии Ильиничны, произведения Кабалевского, Красева, Раухвергера — это была капля в море. Необходим постоянно обновляющийся современный репертуар. Нужны оперы и балеты для детей разных возрастов...

Проблема номер два, весьма серьезная, частично не разрешенная и поныне. Актеры. Согласитесь, что когда вы слушаете оперу «Евгений Онегин» и на сцену выходит дородная Татьяна, не первой молодости, исполняющая эту роль лишь благодаря вокальным данным, вас, все это понимающего, несоответствие внешно-

мут ли дети оперу, быстро развеялись. «Истинно детским жанром» назвал оперу Тихон Хренников, и, как оказалось, он был прав.

Но для существования настоящего детского театра мало набрать прекрасную труппу, найти режиссеров - единомышленников. Все это помогло бы создать хороший профессиональный театр, в который, наверное, дети приходили бы с интересом. С этим же самым чуть ироничным интересом взирали бы на сцену и, оставшись весьма довольными приятно проведенным временем, уходили бы домой. А после изредка вспоминали: «Ты в детском музыкальном был? А я был. Ничего. Понравилось».

Но театр лишь тогда выполняет свое высокое воспитывающее предназначение, когда человеку, особенно ребенку, хочется снова вернуться в зал с тремя стенами,

Они вернулись в театр...

Режиссер и зрители.

Г. Свербилова — Принцесса, Г. Григорьев — Доктор («Волшебная музыка»).

бы и свой кукольный первый театр. Страна растет — растет забота о детях. У них свои санатории и стадионы и уже свой драматический театр. Но ребенку нужна музыка, Сац в этом твердо уверена. Она часто вспоминает слова Шостаковича: «Всякий раз, когда человечество движется вперед, в первых его рядах, рядом со знаменосцами, идут музыканты».

Так, в 1962 году в «Правде» появляется статья, подписанная Сац и Кабалевским,— «Нужен детский музыкальный театр». И в 1965 году, десять лет назад, в Москве оперой М. Красева «Морозко» открылся детский музыкальный театр.

Все началось сначала. Звания и слава у Наталии Ильиничны уже были. И лет было не так уж и мало. А вот самоуспокоенности не было. Поэтому, наверное, росло и набирало силу трудное, но любимое дитя — музыкальный театр.

сти и содержания образа все же поначалу коробит... Так неужто ребенок поверит в Красную Шапочку с четырьмя подбородками или в Зайчика, который хоть и поет хорошо, но при этом прыгает по поляне, словно слон, поскольку этому Зайчику уже за сорок...

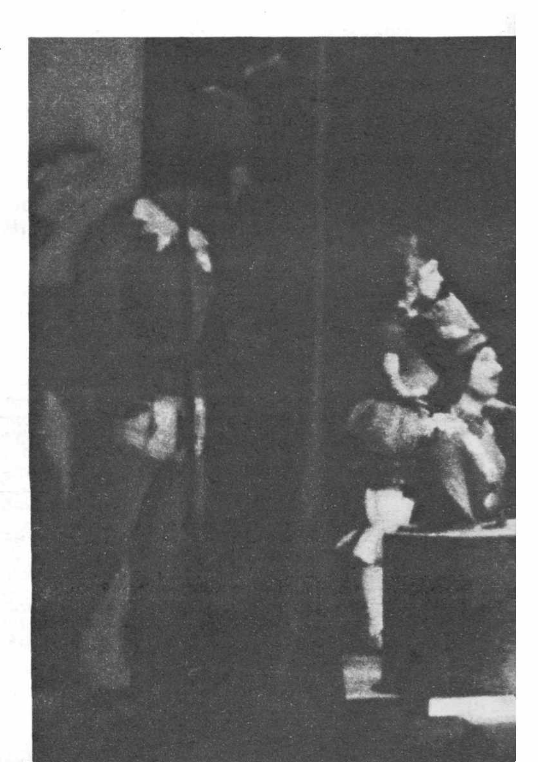
— Артисты оперы для взрослых нередко считают: звучал бы голос — остальное неважно,— говорит Наталия Ильинична.— Быть артистом детского музыкального театра нелегко. Дети должны верить в то, что они видят на сцене. От наших певцов мы требуем достоверности, пластической выразительности.

Как и все новое, музыкальный театр для детей поначалу вызвал недоумение и опасения. Опасения, будут ли туда ходить дети, быстро себя изжили: достать билеты в Московский государственный детский музыкальный театр очень трудно, почти невозможно. Недоумения по поводу того, пой-

где вместо четвертой — удивительная модель жизни; хочется вновь обрести, почувствовать однажды испытанное, найденное... Детский театр должен стать для ребенка домом, в котором его любят, понимают, ждут. Вот эту атмосферу и создала в своем театре Наталия Ильинична Сац.

Ее спектакли высокопрофессиональны. Постановщик Наталия Сац умеет прекрасно воплощать звучащее в видимом. Ее режиссерская манера лаконична, строга, несуетна... Все это очень важно. Но главное то, что ребенку в этом театре несут свое мастерство и вдохновение, как волшебство, как чудо, возникшее специально для него, сидящего в зале и отдающего сейчас Театру неизмеримо большее — удивление, привязанность и веру свою.

И он обязательно придет сюда снова. Чтобы снова увидеть уютный, чуть освещенный зал, где вместо четвертой стены — жизнь. В музыке, песне, танце...

Сцены из балета «Ящик с игрушками».

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663